
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Ольга Эр

Немного солнца для Драко Малфоя

«Автор»
2026

Эр О.

Немного солнца для Драко Малфоя / О. Эр — «Автор», 2026

Война закончилась и Хогвартс возвращается к обычной жизни. Как и Золотое Трио, как и Драко Малфой, которым нужно доучиться последний год. И все же, что-то меняется. Что-то неуловимое витает в воздухе между Драко и Гермионой. И это вовсе не репетиции на открытие Святочного бала под руководством Почти Безголового Ника.«Быть чуду!» решает романтически настроенная дама-призрак и связывает Драко и Гермиону одним странным заклинанием. Теперь им никак не провести далеко друг от друга больше получаса. Визит в Малфой-Мэнор? Ночевки в своих спальнях? Свидание? Выкручивайтесь как хотите! А заодно заклинание открывает им двери в Потусторону, мир призраков Хогвартса. Мир, в котором теперь, после войны, намного больше жителей.Драко пытается внушить себе, что долг перед семьей превыше всего. Гермиона врет себе, что она счастлива. А Потусторона распахивает обоим объятия, знакомя с посмертием обитателей Хогвартса. Но чего призраки хотят от живых на самом деле?..

© Эр О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 8 48
Глава 9 58
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Ольга Эр
Немного солнца для Драко Малфоя

ГЛАВА 1

Сова прилетела вечером: недовольная и нахохлившаяся. Ей не нравился Хогвартс, не нравился путь, который ей приходилось проделывать и она никогда не оставалась на ночевку в Совиной башне. Собственно, чего еще можно было ожидать от совы Люциуса Малфоя? Что она будет сидеть на насесте рядом с совами, которые могут прислуживать грязнокровкам? Драко молча протянул руку, забирая письмо, и сова тут же улетела, напоследок уронив перо. То медленно заскользило вниз и упало на землю, прихваченную вечерним холодом. Ветер пробрался под мантию и Драко, поежившись, запахнулся плотнее. Он вышел незадолго до отбоя, как делал регулярно, с того дня, как была поставлена точка в деле семьи Малфоев: невиновны. Все это время Драко жил в состоянии какого-то отупляющего страха. Немногим меньшего, чем проникающий в каждую клетку тела ужас, не отпускавший его с момента, когда Волан-де-Мортом на него была возложена миссия. Всем было понятно, что это наказание, а не награда, не зря Беллатриса тогда расхохоталась в лицо Нарциссе. Невозможная задача и слишком тяжелая ноша для такого сопляка, каким он был. Но даже тогда, уже попав в опалу, уже поняв, что находятся в ловушке, где приманкой выступает их сын – Люциус и Нарцисса искали выход. И, тролль возьми, нашли! Что там разодранная душа Снейпа: клочком больше, клочком меньше. Волшебник, потерявший все и добровольно готовый отдать жизнь или ребенок, у которого вся эта жизнь впереди? Северус был не из тех, кто не отбился бы от непреложного обета. В конце концов, плюнул бы Нарциссе в лицо, что не обязан беспокоиться о Драко, раз уж Волан-де-Морт недоволен четой Малфоев. Согласился ради Дамблдора? Возможно. Но чем больше Драко размышлял об этом – совершенно того не желая – тем больше приходил к выводу, что и Дамблдор, и Снейп пожалели Драко. Забавно: Гарри должен был быть принесен в жертву, а о нем, о Малфое, позаботились.

Может, и не надо было.

Но пока шло разбирательство, Нарцисса и Люциус не могли сделать абсолютно ничего. И мысль о том, что без них за своей спиной Драко превратится в одно беспомощное «ничто» пугала его до звона в голове. Он не понимал, как они держатся, как имеют в себе силы сидеть с прямой спиной, сохраняя это непроницаемое выражение лица.

– Почему вы не выступили на стороне Волан-де-Морта в финальной битве?

– Мы искали сына

– Мистер Поттер, вы утверждаете, что Нарцисса соврала о вашей смерти?

– Да.

– Зачем вы это сделали?

– Я должна была найти своего сына в замке. И увести.

– Почему?

– Потому, что это наш сын.

– Мистер Малфой, вы остались в замке вместе с остальными, это так?

– Да.

– Подтверждаю, Драко стоял в первых рядах!

– Мисс Грейнджер, сохраняйте тишину, пока вас не спросят. Мистер Малфой, почему вы не ушли из замка к своим родителям?

Потому, что понял, что в полном дерьме. И жить в мире, который несет за собой этот безумный ублюдок будет страшно. Даже чистокровкам.

– Я не ушел из замка, потому что понял, что то, что происходит – неправильно. Я не мог покинуть Хогвартс.

– Вы бросили палочку мистеру Поттеру. Почему? Вы поняли, что Волан-де-Морт проигрывает?

- Вы шутите?

– Суд никогда не шутит.

Простите. Если бы Волан-де-Морт победил, он бы пытал меня так, как вы себе представить не можете. Так себе план.

– Оставьте свой сарказм при себе, мистер Малфой.

Драко замерзшими пальцами развернул письмо. Холод это хорошо. Холод помогает чувствовать себя живым. Дает короткие понятные цели: вернуться в замок. Согреться.

И нет, это не было сарказмом. Драко действительно не понимал, как можно было подумать, что в те страшные минуты он мог составить какой-то план? Даже его отец, интриган и стратег не смог предугадать исхода событий. Драко просто стоял там, рядом со стиснувшей кулаки Гермионой, с упрямым Невиллом, с резко повзрослевшим Роном, с десятками других учеников, большую часть которых он в упор не замечал все эти годы просто потому, что должен был. Потому, что это было правильно. Потому, что были они, собравшиеся защищать свое право на жизнь, право магии быть. А по другую сторону было существо, которое могло предложить только смерть. И никакие блага и регалии не изменили бы этого порядка вещей. И палочку он бросил потому, что должен был сделать хоть что-то. И да, он все еще терпеть не мог этого сраного выскочку, с которым все носились, но иногда задавал себе вопрос: может, это просто зависть?

Драко усилием воли сосредоточился на строчках письма. Все как обычно: в выходные планируется обед в узком кругу (читай – чистокровных волшебников), Его присутствие крайне желательно. О да, в хаосе, который творился после недавнего сражения у учеников появилась возможность и уезжать домой на выходные, и взять паузу в учебе, и получить разрешение на двойную дозу успокоительных зелий у мадам Помфри. А должность профессора темных искусств опять была вакантна…

Но кое-что не менялось. Например, уверенность некоторых чистокровных семей в том, что в грядущих проверках, изменениях и, несомненно, принятии каких-нибудь показательных законов надо продолжать держаться вместе. Ничего такого, о чем вы. Просто напоминать друг другу, что манеры, родословная, правила и традиции кое-что еще значат. Люциус показательно якобы отстранился от дел семьи. Хотя формально его признали невиновным, все понимали, что он успел запачкать руки куда больше, чем Нарцисса. Кроме того, если Нарциссе эти самые чистокровные семьи могли простить материнскую слабость, то от Люциуса, как от главы рода, ожидалась большая решительность. Если уж ты решил покинуть ряды Волан-де-Морта, тогда сражался бы на стороне Гарри Поттера. Нет волшебной палочки? Подбери чужую, мало ли мертвецов было вокруг. Пусть в пол силы, но сражайся.

Драко никогда не спрашивал отца, почему тот выбрал просто отойти в сторону. Не было ни сил, ни желания. Люциус же, уйдя в тень, старательно готовил Драко на роль главы рода. Драко привычно повиновался: в конце концов это не самая худшая роль, верно? Вероятно, в этой роли ему больше не придется готовиться к тому, чтобы кого-нибудь убить.

Скомкав письмо, Драко сунул его в карман брюк. Сердце заколотилось во внезапной тревоге, к горлу подкатил ком. Мысли, тошные, липкие, снова начали забивать голову и Драко ускорил шаг. Пусть ветер выдует их, а когда он перестанет и думать, и чувствовать свое тело, можно будет вернуться и надеяться, что слизеринская гостиная будет пуста.

Впереди показалась идущая навстречу фигура. Тоже тщетно кутающаяся в мантию, но при этом не ускоряющая шаг, чтобы быстрее дойти до замка. Малфой прищурился.

Гермиона Грейнджер. А она-то почему не со своими друзьями? Точнее с другом и ухажером: Узли стойко переживал смерть одного брата и увечье другого и как-то очень бережно, пусть и неуверенно ухаживал за Гермионой. Но у Драко все равно эта пара вызывала искреннее недоумение. О чем они будут говорить десять лет спустя, если уже сейчас очевидно, насколько они разные? Впрочем, не его дело. Все это не его дело.

Ком никуда не делся.

– Драко, – разомкнула в приветствии посиневшие от холода губы Гермиона, поравнявшись с ним. Теплые карие глаза пробежались по его лицу внимательным взглядом.

– Гермиона, – ответил Драко спокойно. Право на «грязнокровка» и презрительное выражение лица он утратил. Да и не хотелось. Давно уже не хотелось, если честно. Возможно, он и дразнил ее только потому, что она водилась с Поттером. А так бы игнорировал как и прочих магглорожденных. Хотя, когда в прошлой жизни она ударила его, он почувствовал что-то, похожее на восхищение. Пополам с оторопью.

– Что-то случилось? – теперь Гермиона позволила себе слега приподнять брови и Драко понял, что «завис» в своих мыслях и, не отрываясь, смотрит на девушку.

– Ничего, – кивнув, Драко обошел Гермиону.

– Ветер усиливается и скоро отбой, – крикнула ему в спину та, но Драко лишь раздраженно дернул плечом.

Что за манера вечно за всеми приглядывать.

Хотя, конечно же, она была права. Ветер бил в лицо так, словно хотел снять кожу и действительно нужно было возвращаться. Решив, что упрямиться глупо, Малфой развернулся. Гермиона, все еще хорошо различимая, шла впереди. Не торопясь, но не пытаясь сделать вид, что ей не холодно. Шагом спокойного человека, у которого все под контролем, который принимает и окружающую действительность, и свои ощущения.

Можно было бы сказать, что Драко все выдумывает: откуда ему знать, может сейчас она идет и под нос перебирает все известные ей ругательства, злясь и на погоду, и на себя, что вообще вышла из Хогвартса. Но он был уверен, что прав. А все дело было в том коротком моменте, когда после битвы, среди плача и радости, Малфои сидели на краю скамьи, не зная, место ли им здесь, среди победителей. И Гермиона подошла к ним. Белая как мел, грязная и измученная, без всяких сияющих глаз и улыбки, она даже не посмотрела на Люциуса и Нарциссу. Она положила руку Драко на плечо и почти тут же убрала, кивнув. Ладонь ее была горячей-горячей, Гермиона стояла очень близко, и в эти несколько мгновений Драко успел упасть в ее уставший, понимающий взгляд. Взгляд резко повзрослевшего человека. В этом прикосновении, в этом простом жесте, в этом взгляде Драко увидел желание жить. Возможность пересобрать себя: в тот долгий день старый Драко, как ему казалось, разлетелся вдребезги. Как многие из них.

Однако потом все завертелось, события понеслись бешеным темпом, потом замедлились и вот уже жизнь Малфоев почти вошла в привычное русло. И Гермиона осталась там, по ту сторону зеркала.

А он здесь.

И это абсолютно нормально и естественно, как было всегда, в заведенном порядке вещей.

Драко прикоснулся пальцами к своему запястью, но кожа так замерзла, что он даже не ощутил этого. Все хорошо, кому какое дело, если внутри опять горит и жжет, не смотря на холод снаружи. Малфой мотнул головой, прогоняя ставшие слишком громкими и назойливыми мысли. Последнее время с ним часто это случалось: он начинал думать над одним, потом оно цепляло другое, затем мыслей становилось так много, что они словно забивали глотку, мешая дышать. Впереди, к счастью, показался Хогвартс. Гермиона слегка прибавила шаг и вскоре уже скрылась внутри замка. Драко заставил себя не менять темп, хотя, казалось .у него замерзло даже дыхание. К тому же начался дождь: мелкий, противный и холодный. Стро-

гий распорядок, понимание своих обязанностей и спокойная уверенность – Нарцисса часто повторяла сыну, что эти три правила должны составлять основу его жизни, вокруг которой он выстроит все остальное. И если с распорядком дня в Хогвартсе проблем не было, а деньги и статус рода давали и наглость, и уверенность, то насчет своих обязанностей Малфой никогда не заморачивался. Он знал, что закончит Хогвартс, что будет жить сытую и безбедную жизнь, и что его спина всегда будет прикрыта.

Послышалось громкое уханье. Драко поднял голову и еле успел выставить вперед руку, на которую спикировала крупная сова. В отличии от совы Люциуса посланница Нарциссы была вполне добродушной и даже разрешила осторожно погладить свои темные перья на груди. Малфой взял и письмо и сова, снова ухнув, взмыла в небо. Можно было бы прочесть все в замке, оказавшись в тепле, но Драко упрямо надорвал зубами уголок конверта. Бумага так трепыхалась на ветру, что казалось вот-вот порвется и Драко повернулся боком, пряча листок.

«Дорогой сын, Люциус уже отправил тебе сообщение о предстоящем обеде. От себя хотела бы попросить о двух вещах: постарайся в этот раз проявить больше внимания и заинтересованности в разговоре за столом. И сделай так, чтобы волосы на макушке не торчали, это выглядит неопрятно. Жду твоего прибытия, домовые эльфы испекут твое любимое печенье,

Нарцисса».

Второе скомканное письмо отправилось в карман. Дойдя до замка Малфой с усилием потянул на себя дверь. Холл освещался неровным пламенем свечей, которые так и звали поднести руки поближе и немного согреть пальцы. А в гулкой тишине звучали приглушенно два голоса: Рон, видимо, ждал Гермиону. Драко увидел, как он помог ей снять мантию, слегка нервным движением. Потянулся поправить прядь волос и – Малфой был уверен в этом – Гермиона вздрогнула и слегка отклонила голову. Но затем сама подалась вперед и что-то ответила, тихо засмеявшись. Драко по дуге обогнул их, не здороваясь с Роном и не прощаясь с Гермионой. Те, впрочем, не обратили на него никакого внимания.

В слизеринской гостиной тихо потрескивали поленья, наполняя комнату теплом. В толще зеленоватой воды озера за стеклом смутно различались тени длинных рыб. Почти все уже разошлись спать, кроме Забини. Он читал какую-то книгу и, услышав, как открывается проход в гостиную, кинул на Драко взгляд поверх страниц.

– Прогулка дрянь?

– Как обычно в это время года, – отозвался Драко. Достав письма из кармана, он кинул их в очаг и огонь почти мгновенно превратил их в пепел. Блейз кивнул.

– Взял бы у Помфри хоть согревающих. Чего ради мерзнуть, – посоветовал он.

– После Снейпа все ее зелья говно, – честно признался Малфой, умолчав, что замерзнуть и было его основной целью. Забини пожал плечами.

– Я чести пробовать не удостоился. Но верю. Мощный был волшебник.

Оба замолчали. Обсуждать Снейпа в свете всех открывшихся обстоятельств было странно и неловко. Иногда Драко начинал вспоминать все их диалоги, все, о чем Снейп умолчал, все, что делал и многое виделось теперь совсем в другом свете. Впрочем, эти мысли Драко тоже довольно быстро пресекал.

Под теплыми струями душа он начал согреваться. Мысли почему-то вернулись к Гермионе и Рону, и Малфой стиснул зубы. Да что ж это такое сегодня? Может, во всем виноваты проклятые письма? Так наоборот, предсказуемость ближайших дней, четкое следование цели отца и подсказки-указания матери должны успокоить: все идет спокойно и все в порядке. Выключив душ, Драко быстро вытерся и прислушался: не стучит ли Забини, прося уступить ванную ему? Но было тихо. Блейз последнее время вообще ложился поздно, зачитываясь книгами о приключениях. Драко подозревал, что другу тоже нужно выкинуть из головы лишние мысли. Мысли о девушке, которая никогда не будет его. Но не расспрашивал, зная, что Забини в лучшем случае просто отшутится. Драко подошел к высокому стеллажу, стоявшему у стены ванной

комнаты. Его уже начинало трясти: все как обычно. Позорные слезы, подступающие к горлу, нервы, выраженные через неконтролируемый поток рыданий. Отвратительное, недостойное поведение. Уязвимость, через которую так легко подобраться к Люциусу, так легко вывести из себя его, Драко. Слюнтяй, который начинает рыдать от того, что перенервничал - какой подарок всем врагам. Когда это началось? Наверное, после второго круциатуса. А, может, в одну из тех ночей, когда Драко с ужасающей четкостью понимал, что не может выполнить задание Волан-де-Морта, и что у него при этом нет никакого выбора. Единственное, что пришло в голову Драко - попросить в больничном крыле успокоительное зелье. Безобидная настойка, щедро потребляемая нервничающими учениками перед экзаменами. К сожалению, через пару лет постоянного использования она стала вызывать у Малфоя побочный эффект: первую минуту после приема его колотило так, словно он стал жертвой лихорадки. Отвратительное состояние. Впрочем, еще более отвратительным было то, что человек, девизом чьего рода буквально было держать маску в любой ситуации не мог взять себя под контроль. Но, хотя бы, научился доживать до спасительного зелья - и то молодец. Малфой открыл свой ящик, доостал небольшой тряпичный сверток и развернул его. Грани флакончика блеснули в свете множества свечей: кто бы мог подумать, что его способность держать себя в руках будет зависеть от безобидных успокоительных травок, которые дают даже ребенку? Впрочем, куда уж падать дальше. Последние года полтора его и так целиком поглощало чувство страха, переходящее в животный ужас, когда он оказывался рядом с Волан-де-Мортом. Если так подумать, может, это Драко всегда и спасало: все это так явно отражалось на его лице, что Темному Лорду не было нужды копаться в его голове и проверять на лояльность. Волан-де-Морт считал, что страх рождает подчинение и вынужденную преданность, а большего ему и не нужно было. Так что он никогда не узнал, что последние месяцы к этому страху прибавлялась изрядная доля омерзения. Чувствуя, что к горлу подступают непрошенные слезы, Драко поспешно опрокинул в себя часть флакончика. И тут же сполз на пол, пережидая накативший озноб, от которого стучали зубы и перехватывало дыхание. Когда все прошло, а сознание снова прояснилось, он поднялся, надел пижамные штаны и рубашку и вышел из ванной. На него резко навались усталость.

По Хогвартсу одно время и ходили слухи, что он встречается с Пэнси. Была еще Астория: умная и добрая девушка, на которую у Люциуса и Нарциссы (судя по тому, как активно они сталкивали Драко и Асторию, если оказывались на одном обеде или ужине) были далеко идущие планы. Она была… подходящей. И Драко знал, что, когда она закончит Хогвартс, вопрос их симпатий будет вторичным. Вопрос договоренности семей, вот что будет играть роль. Хотя, судя по некоторым их диалогам Драко подозревал, что Астория куда как менее щепетильно относится к вопросу чистоты крови. Возможно, при родных, она просто носила нужную маску – честно говоря, у Драко не было ни интереса, ни желания разбираться в этом. Как и со всеми слухами. Проще было оставлять все вопросы и намеки без внимания, лишь подогревая у некоторых учеников интерес. Драко зашел в спальню, уже наполненную сонным сопением и всхрапыванием. Скривив губы, он шагнул к своей кровати. Власть, деньги, а он делит комнату с другими и слушает… это вот все. Укрывшись теплым невесомым одеялом – Нарцисса пару лет назад прислала из Малфой-Мэнора – Драко уставился в полог кровати. Сон не шел, зато мысли опять почему-то вернулись к Гермионе. Если быть честным, помимо той короткой сцены после сражения было еще несколько раз, когда он останавливал свой взгляд на Грейнджер. Первый – когда она появилась на балу. Лохматая заучка вдруг обернулась хорошенькой, пусть и застенчивой девушкой и Малфой с удивлением увидел, какая у нее длинная шея, изящные руки и как ей идет слегка робкая улыбка. Или первый раз был, когда он узнал, насколько тяжелой может быть рука этой девушки и что она способна на настоящую, кристально чистую ярость? Не так уж и важно. Третий, наверное, после сражения в Министерстве Магии. Когда Гермиона вернулась к учебе после больничного, а слухи уже расползлись по Хогвартсу. Драко шел на урок, завернул за угол и увидел неразлучную троицу. Гермиона стояла, прислонившись к стене

и, как обычно, обнимая несколько книг. Она улыбалась, но выглядела уставшей и какой-то совсем хрупкой. Малфоя вдруг поразил этот контраст. Сложно было представить эту Гермиону, отчаянно сражавшуюся против Долохова. Хотя, если опять вспомнить тот удар и приступ ярости… Можно было подумать, что в жизни Малфоя было две Гермионы: девчонка, которая выделялась только тем, что всегда все знала и бесила своей собачьей преданностью Поттеру. И изящная девушка, которая светила как ровный огонь. Пока не разворошишь угли. А пока шло судебное разбирательство, Драко почти не спал ночами. И развлекал себя тем, что всерьез размышлял над вопросом: если бы Гермиона была чистокровной наследницей из хорошей семьи, и не водилась бы с Поттером, заинтересовала бы она его? Голос Люциуса в голове тут же отвечал, что «да». Умная колдунья, чьи способности бесспорно признают учителя, с хорошей внешностью и отличными перспективами это, как минимум, полезное знакомство. А что она на правах эльфах прибабахнутая – можно засчитать как неопасную слабость. Хотя, вспоминая Добби…

Самым странным было, что если их расписания расходились на пару дней, Драко и думать забывал о Гермионе. Он просто фоново знал, что она замке, как и сотни других учеников. Но стоило столкнуться или перебросится парой ничего не значащих слов, как он начинал искать ее взглядом на завтраке или снова вспоминать их очень короткие моменты общения. Почему? Да он и сам не знал. Если подумать, было два Драко: сытый и уверенный в себе мальчишка, который разнюнился, что его «обидел» гиппогриф. Зачем вообще Люциус влез в это все тогда? И Драко, который стоял перед Волан-де-Мортом вместе с остальными учениками и четко понимал, кто он, что происходит и на чьей он стороне.

Очень короткое время.

ГЛАВА 2

Если так подумать, Драко постоянно встречал Гермиону в каком-то неприглядном виде. Не считая бала, конечно. Тогда она готова была поклясться, что заметила ошеломление и растерянность на его лице, впрочем, быстро сменившиеся обычной гримасой равнодушного презрения. В остальные же разы… То лохматая, то спешащая, то с отросшими зубами, то как сегодня, с посиневшими от холода губами и наверняка красным носом. С каких это пор волновало ее? Да не то, чтобы волновало. Скорее, иногда царапало. Наверное с того момента, как ей почему-то пришло в голову подойти к семейству Малфоев после окончания сражения. Если бы Волан-де-Морт победил он подверг бы Драко страшнейшим пыткам перед тем как убить. За неповиновение, за то, что посмел стоять рядом с его врагами. За брошенную Гарри палочку. Мысль об этом вдруг так ошеломила девушку, что заметив Малфоев, она не стала раздумывать. Доброты, чтобы сказать хоть что-то хорошее Нарциссе или Люциусу Гермиона в себе все-таки не нашла. А вот Драко…

«Спасибо тебе», – хотела сказать Гермиона. Или: «мы победили», – подчеркнув, что Драко тоже часть этого «мы». Но подойдя к нему близко Гермиона вдруг растерялась. И из-за чего? Из-за абсолютнейшей ерунды: она просто почувствовала исходящее от Драко тепло. Заносчивый, высокомерный мальчишка вдруг обернулся обычным живым человеком. С растерянными серыми глазами и синяком на острой скуле. И Гермиона смогла лишь положить руку ему на плечо. Положить и почти сразу же убрать: прикосновение вдруг показалось ей слишком личным. Она кивнула, мол, все в порядке, хорошо, что ты цел. И ушла. И не думала об этой странной сцене два дня. А на третий она сама всплыла перед глазами и от чего-то Гермионе стало стыдно. Она умела признавать факты, поэтому и отметила для себя еще некоторое время назад, что Малфой из смазливого трусливого нытика превратился в привлекательного широкоплечего юношу. Но он все еще оставался хорьком. До недавних событий. Безжалостно препарируя свои мысли и в привычной манере раскладывая все по полочкам, Гермиона все равно не могла ответить себе на вопрос: почему, стоит ей обменяться парой слов с Драко, сле-

дующие несколько дней она ищет его глазами в классе на общих занятиях или на завтраке. А потом словно выключается, просто фоном зная, что он где-то там, среди сотен других учеников. Спросить ей было некого, а книги по маггловской психологии, которые она попросила маму прислать в Хогвартс, давали слишком расплывчатые ответы. По ним выходило, что Гермиона могла чувствовать за что-то вину, у нее мог быть какой-то незакрытый гештальт, простое физическое влечение и еще несколько вариантов. Ни один из них Гермиону не устраивал, поэтому она просто приказала себе выбросить все из головы. Тем более, дел хватало. От учебы и показаний в суде, до невольной опеки над младшими учениками Гриффиндора. Гермиона, Гарри и Рон были уверены, что после того, как стала известна правда о Северусе и после того, как Драко на глазах многих кинул палочку Гарри Слизерин и Гриффиндор станут факультетами, у которых есть общее прошлое и будущее. Но получилось иначе: часть слизеринцев решила, что у них есть отличный повод задирать нос, а часть гриффиндорцев – что может присвоить «Золотое Трио» себе, и что их заслуги автоматически распространяются на весь факультет. Постоянно вспыхивающие мелкие ссоры были ужасно не к месту в послевоенном Хогвартсе, который восстанавливали параллельно процессу обучения. Гермиона очень сочувствовала Макгонагалл, у которой и так забот было невпроворот, чтобы еще разгребать такие мелочи. Сочувствовала – и как могла пыталась помочь. Проводила беседы, журила, пресекала начинающиеся конфликты.

– Зачем тебе это? – спросил как-то Рон. Они сидели на импровизированном пикнике неподалеку от Хогвартса. Гермионе было жестко на тонком покрывале, прохладно, ее нервировали ползающие неподалеку муравьи, но она мужественно делала вид, что все в порядке. Во-первых, потому что Рон старался и даже притащил кучу сладостей из магазина братьев Уизли. Во-вторых, потому что было бы странно жаловаться на муравьев и прохладу человеку, с которым ты несколько месяцев выживала в куда как более неприглядных условиях. Какое тебе после этого вообще может быть дело до муравьев? Ну и в-третьих, после смерти Фреда и ранения Билла Гермионе очень хотелось, чтобы у Рона было как можно меньше поводов расстраиваться. И на вопрос Рона она тоже не обиделась. Рон разрывался между желанием помочь Джорджу в магазине, учебой и планами вместе с Гарри стать аврором. Но если в глазах Гарри Гермиона видела непоколебимую уверенность в правильности своего пути, то Рон все чаще говорил о том, что это принесет уважение семье Уизли и что «это же правильно, разве нет»? Советов Гермиона дать не могла никаких, только кивать.

– Затем, что это вредит Хогвартсу, – ответила Гермиона. – И если я могу что-то сделать, то я должна.

Вот и сегодня вечером она должна была обрадоваться, что Рон ждал ее с прогулки. Что он не задавал никаких вопросов, зачем в такую погоду вообще куда-то выходить. Гермиона знает, что делает и точно не нуждается ни в чьих советах или в чьем-либо одобрении. Но ей так хотелось побыть одной, что пришлось напомнить себе: эй, ты что. Это же Рон. Твой друг. Твой парень. Вы вроде как планируете ваше будущее, светлый луч радости в семье Уизли, вместе с грядущей свадьбой Билла. Уже лежа в кровати Гермиона позволила себе расслабить напряженную поясницу и нырнуть в очередной сеанс самоанализа. Драко, идущий ей навстречу там, на прогулке, был похож на высеченную изо льда фигуру. Бледные губы, белое лицо, светлые пряди волос, серые глаза. И она, воплощение обыденности во всей красе: растрепанная, с посиневшими от холода губами. Неудивительно, что Драко так на нее смотрел. Непривычно, что не сказал ничего гадкого. Но, в конце концов, все они изменились, не так ли? И почему она вообще об этом думает? Гермиона приказала себе сосредоточиться на чем-нибудь другом. Например, мысленно перечислять составы снадобий, которые будет спрашивать Слизнорт на следующем уроке. Это начало срабатывать: Гермиона потихоньку начала проваливаться в дрему. И только на краешке сознания все еще оставался образ Драко. Белое лицо, четко очерченные скулы и горячие руки, которыми он, почему-то, прикасался к Гермионе.

– Слышали? Второкурсники с Когтеврана вчера перед отбоем видели призраков, – Рон, сидевший за завтраком между Гарри и Гермионой говорил в пол голоса.

– Ты сейчас серьезно? – Гарри, повернувшись к другу, кивнул на Почти Безголового Ника, зависшего под потолком и портящего аппетит некоторым первокурсникам.

– Да не наших, хогвартских. Других, – Рон торопливо откусил кусок хлеба.

– Даже я не знаю в лицо… в бесплотность… в общем, всех призраков Хогвартса. А я выучила все их имена и даты смерти, – ответила Гермиона. В Большой Зал зашли Драко, Блейз и Пэнси. Гермиона зачем-то следила взглядом как они идут друг за другом и садятся за следующий ряд столов. Драко оказался по диагонали напротив Гермионы, Гарри и Рона и девушка поспешно отвела взгляд

– А зачем ты учила их даты смерти? – поразился Гарри. Гермиона, повернувшись к другу, успела бросить еще один взгляд на Драко и была готова поклясться, что теперь он быстро отвел свой.

Да ну, глупость какая-то.

– Для расширения кругозора по истории Хогвартса, – Гермиона отпила сок от бокала. Почему-то ей очень хотелось снова посмотреть на Малфоя и было очень стыдно за это.

– Это не первый раз за последний месяц, – упорствовал Рон. – Есть еще несколько человек. С разных курсов. По-отдельности каждый думал, что это кто-то из «наших». Но они ведут себя очень странно: быстро исчезают, словно не хотят, чтобы их увидели. Один раз рядом со пуффендуйцем с четвертого курса упала картина, чуть не зашибла по голове.

А когда слухов стало больше, стали обсуждать и поняли, что видят одних и тех же: двое высоких, в длинных мантиях, которые всегда очень быстро идут. И то ли два, то ли три поменьше ростом, с нас примерно. Но лиц не видели. Всегда издали.

– Уверена, что если найти все портреты хогвартских призраков, там будут и высокие, и с нас ростом, и в мантиях, и в разной одежде, – слегка раздраженно ответила Гермиона, сама не понимая причину своего раздражения. – И вообще, почему мы с Гарри ничего такого не слышали?

Теперь пришла очередь Рона удивленно смотреть на Гермиону. Популярность Гарри, Рона и Гермионы, а также Невилла, Джинни и еще ряда самых ярких защитников Хогвартса сомнению не подлежала. Как и резко возросший интерес к Драко. Но если Гарри и Гермиона очень быстро дали понять, что хотят продолжать просто учиться, просто жить и не обсуждать все случившееся с каждым учеником, то Рон по своей стеснительности и добродушности просто не мог вежливо и быстро закончить разговор, когда какой-нибудь из учеников подходил к нему с расспросами или просто желая поболтать с одним из Золотого Трио. В результате Рон очень быстро оброс каким-то совершенно невероятным количеством знакомых, которые бесперебойно снабжали его новыми сплетнями о жизни Хогвартса. Хотел того бедный Рон или нет.

– А Макгонагалл знает об этих ситуациях? – спросил Гарри. Гермиона вскинула брови.

– Ты серьезно?

– Абсолютно, – стекла очков Гарри блеснули, когда он слегка наклонился над столом, чтобы зачерпнуть кашу ложкой. – Ты сама понимаешь, что у Волан-де-Морта осталась куча последователей и выжигать эту заразу нам еще долго.

– Но не здесь же. Это Хогвартс. Его проверили кучу раз. Здесь столько людей, которые дрались против Волан-де-Морта. Безумие и глупость пытаться что-то здесь… сделать. Скорее я поверю в то, что мы потревожили тех призраков, которые предпочитали раньше не показываться живым.

Подумав, Гарри кивнул.

– Логично. Но все равно, давайте все будем внимательными. Если кто-то что-то снова услышит, мы немедленно расскажем об этом Макгонагалл.

Остаток завтрака прошел в ничего не значащих разговорах о всяких мелочах и Гермиона немного расслабилась. Если раньше она вскочила бы, едва закончив есть, чтобы бежать повторять материал перед уроками, то сейчас ей хотелось, чтобы эти безмятежные минуты тянулись подольше. Время, когда все кажется простым и понятным. К сожалению, в этот раз торопился Гарри: он обещал Джинни встретиться до начала первого урока и обсудить подарок для Молли и Артура. На выходные они собирались в Нору и Гарри хотел принести с собой что-то, что заставит этих мужественных людей, потерявших сына, улыбнуться. В итоге из Большого Зала вышли все вместе. Рон, правда, почти сразу попрощался: у него первым уроком стоял уход за магическими существами. Выбор был неожиданным, та же Гермиона была уверена, что Рон выберет вместе с ними нумерологию. Авророам она была нужна для умения искать скрытые логические связи, а Гермионе предмет просто нравился. Но Рон пояснил друзьям, что после всего пережитого ему очень хочется хотя бы иногда общаться с теми, кто не держит в руках волшебную палочку, а от чисел его просто тошнит. Хагрид был искренне рад: за Роном потянулись его новые знакомые и теперь у великана было много слушателей. Некоторые – искренне увлекшиеся предметом. Поскольку уход за магическими существами пересекался с нумерологией, Гермиона и Гарри, выбравшие его вторым дополнительным предметом, договорились с Хагридом и Макгонагалл, что будут посещать его «факультативно». После основных уроков. Разумеется, им никто не отказал. И, разумеется, каждый такой факультатив заканчивался чашкой чая у великана в избушке.

– Рад, что поедешь в Нору? – спросила Гермиона, когда они с Гарри шли по коридору. Гарри тепло улыбнулся.

– Очень, – искренне сказал он. – Жду не дождусь выходных. А ты?

– Я… – Гермиона запнулась. – Я не уверена, мне надо столько всего подготовить к следующему понедельнику. Без библиотеки под боком это будет затруднительно.

– Гермиона? – Гарри остановился и, посерьезнев, пристально посмотрел на девушку.

– Что?

– Ты же знаешь, что я тебя люблю?

– Знаю, и я тебя, – ответила Гермиона. Гарри кивнул.

– И Рона я люблю. И я не хочу, чтобы кому-то из вас было больно.

– Почему кому-то должно быть больно? – спросила Гермиона, стараясь вложить в голос как можно больше искреннего удивления. Гарри и его проницательность, иногда так невовремя!

– Потому, что я могу сравнить себя и Джинни и тебя и Рона. Нам с Джинни очень хорошо вдвоем. И я счастлив приезжать в Нору. А ты словно бежишь от всех Уизли. И Рон это понимает и ему неловко.

– Ну так пусть задаст мне вопрос, – несколько резко ответила Гермиона. – Я тоже очень хорошо отношусь Молли и ко всей семье. Но я не могу делать вид, будто мы уже сдали экзамены и наше будущее определено. Я хочу сдать все предметы так, чтобы ко мне невозможно было придраться и сказать, что мне натянули балл за какие-то там заслуги. И Рон это знает. И мы недавно ходили на пикник. И…

– Гарри! Гермиона! – издалека им помахал веселый рыжеволосый вихрь. Джинни энергично протискивалась мимо учеников, заставляя их уступать себе дорогу.

– Я не об этом, – вздохнул Гарри, но тему замял. Нежно приобняв Джинни, он отступил назад, давая девушке крепко обнять Гермиону.

– Привет, привет! Жду не дождусь выходных! – слово в слово повторила слова Гарри Джинни. – Ты как, готова есть мамино печенье? Последнее время оно у нее подгорает, но я стараюсь ее приободрить, что оно все такое же вкусное.

– Я не уверена, что у меня получится, – Гермионе было стыдно говорить это Джинни.

– Почему? Что-то случилось у вас с Роном? – судя по выражению лица Джинни она была готова уже искать брата и оттаскать его за ухо.

– Нет, просто моя учеба…

– Джинни, ты же знаешь Гермиону. Она не простит себе, если кто-то решит на экзаменах, что она получила высший балл незаслуженно, – взял Гарри Джинни под локоть. Гермиона заметила взгляды, которыми они обменялись. Это были взгляды людей, понимающих друг друга без слов.

«Потом объясню».

«Хорошо, как скажешь».

– Даже если ты не сможешь приехать, мы с тобой тогда потом выберемся в Хогсмит! – бодро воскликнула Джинни и Гермиона была очень благодарна ей за эту безусловную поддержку. Оставив Гарри и Джинни обсуждать подарок, Гермиона поспешила в класс. Ей хотелось спокойно занять место, разложить вещи и собраться с мыслями перед началом занятий. Однако перед самым классом ее перехватила Минерва.

– Гермиона, на минутку, – с решительным видом новая директор Хогвартса взяла Гермиону за локоть и куда-то повела за собой.

– Но професс… дирек…

– Профессор достаточно. Я же не перестала им быть, став директором, – Макгонагалл шла вперед как корабль, рассекающий волны учеников.

– Профессор, у меня сейчас урок нумерологии, – попыталась возразить Гермиона. Макгонагалл фыркнула.

– Скажете, что были у меня, мисс Грейнджер. У меня такое количество задач, что я не могу позволить себе роскошь дожидаться окончания уроков. Тем более у вас разное расписание.

– У нас? – Гермиона увидела впереди класс, где сейчас должен был начинаться урок по Древним Рунам. Почти все ученики уже были внутри, и только пара слизерницев стояла у входа, о чем-то тихо переговариваясь. Гермионе почему-то стало тревожно.

– Мистер Малфой! – таким тоном позвала Минерва, словно дальше должно было идти «минус десять очков Слизерину».

– Добрый день, профессор, – поздоровались Забини и Малфой. Блейз ушел в класс. Драко, скользнув взглядом по Гермионе, едва заметно кивнул.

– Перейду сразу к делу, – выпустила, наконец, локоть Гермионы Макгонагалл. – Вы наверняка оба знаете, что ситуация между младшими курсами Слизерина и Гриффиндора, мягко говоря, напряженная, – Макгонагалл взяла паузу, вопросительно приподняв бровь.

– Я что-то такое слышал, – отозвался Драко несколько лениво. Глаза его, впрочем, были серьезны. Он зачем-то снова посмотрел на Гермиону и та с трудом подавила желание пригладить волосы рукой.

– Да, я пытаюсь решить эти конфликты, когда они происходят при мне, – подтвердила Гермиона. Макгонагалл вздохнула.

– Боюсь, мисс Грейнджер, решения, как такового, и нет. Но школе нужно время, чтобы прийти в себя. И меньше всего здесь нужна вновь растущая вражда между факультетами и постоянные стычки. Меньше всего волшебному миру нужно, чтобы мы вернулись к старому положению вещей. Поэтому, когда Министерству пришла в голову идея, я сразу выбрала, кто ее реализует.

У Гермионы неприятно засосало под ложечкой. Судя по выражению лица Драко ему идеи от Магконагалл тоже не внушали доверия. Ту, впрочем, их мнение ни капли не интересовало.

– Министерство хочет, чтобы все увидели символ того, что в Хогвартсе, да и волшебном мире наступают перемены. Где нет места старой вражде и предрассудкам. А соперничество

идет только за блестящий результат и только в рамках взаимного уважения. Поэтому вы вдвоем будете открывать танцем Святочный бал, – подытожила словно гвоздь забила Макгонагалл.

– Что за бред, – вырвалось у Малфоя. Под пристальным взглядом Минервы он, впрочем, растерял свой пыл. – К тому же в этом году турнира волшебников не будет, – добавил он тише.

– Зато будет визит из Министерства, несколько репортеров и красивые статьи о том, что именно Хогвартс положил начало новой эпохе. В которой нет места старой вражде и предрассудкам, – отчеканила профессор, повторяясь. – И прежде чем вы снова закатите глаза, мистер Малфой, добавлю, что министр уже готовит речь на Святочный бал, в которой будет много сказано про символизм танца.

Судя по выражению лица Макгонагалл, у нее были большие сомнения насчет будущей речи. Но озвучивать их, конечно же, она не стала.

– Итого, у вас два с половиной месяца. После чего Слизерин поведет под руку Гриффиндор на бал. Я уже поговорила с Почти Безголовым Ником, он выберет танец и будет с вами заниматься. Можете начинать сегодня. И да, мисс Грейнджер и мистер Малфой. Я могла бы привести много возражений Кингсли. Но волшебному миру нужна новая точка отсчета. Не от разрушения Хогвартса. Не от смерти Волан-де-Морта. А с какого-то символического и позитивного события. И в этом я с министром согласна.

– При всем уважении, это последний, выпускной год. Мое расписание и домашние задания оставляют мне время только после отбоя, – попыталась выкрутиться Гермиона.

Минерва снисходительно посмотрела на нее поверх очков.

– Все, кому надо, будут проинформированы о том, что у вас есть мое специальное разрешение. Мистеру Филчу я продублирую письменно. Можете идти на уроки.

Драко и Гермиона молчали, пока Макгонагалл быстро уходила по коридору. Ее мантия развивалась за спиной, а редкие опоздавшие ученики старались прижаться к стене.

– Что-то в ней снейповское появилось, – сказал вдруг Драко. Гермиона хмыкнула.

– Ты умеешь танцевать? – не этот вопрос хотела задать Гермиона, не этот. Надо было спросить что-то, вроде: «как будем решать эту задачку». Серый взгляд снова переместился на Гермиону.

– Немного, – ответил Малфой после небольшой паузы. – Танцы все еще входят в обязательный список умений семейства Малфоев, – Гермионе показалось или по губам Драко скользнула едва заметная горькая усмешка?

– Я надеялась, что Макгонагалл решит, что нарушение правил Хогвартса не стоит того, чтобы разрешать нам репетировать после отбоя, – вздохнула Гермиона. – Тем более, конечно же, я смогу составить свое расписание так, чтобы постараться все успевать вовремя.

Малфой едва заметно приподнял бровь. Выражение его лица стало похожим на выражение Драко-до-решающей-битвы.

– Ты правда надеялась, что эта отговорка остановит Макгонагалл?

Гермионе не понравился его снисходительный тон. Скрестив руки на груди она посмотрела на Драко в упор.

– А тебе, я так понимаю, все равно? Ты готов тратить время на то, чтобы вся школа посмотрела на наше неловкое топтание под музыку?

Мерлин, почему у него такой взгляд? У меня крошка на губе? Испачкана щека? Смотрит и смотрит, как змея, хоть бы моргнул.

Малфой, наконец отведя глаза, пожал плечами.

– Напомню тебе, Грейнджер, что моя семья чудом избежала Азкабана. Я не в том положении, чтобы спорить сейчас с директором Хогвартса. Точнее, я знаю, что это не будет… одобрено моими родителями. Так что жду тебя у входа в подземелья после отбоя.

– Почему это там? – насторожилась Гермиона. Драко снисходительно на нее посмотрел.

– Потому, что сэр Николас, он же Почти Безголовый Ник проводит в подземельях больше всего времени.

И не прибавив больше ни слова Драко ушел в класс.

ГЛАВА 3

Вся правда была в том, что в коридорах подземелья всегда было холодно. И только в этом. Это была единственная причина, почему за десять минут до отбоя она все еще выбирала: форма и теплая мантия или маггловские джинсы и теплый свитер, сложенные в углу шкафа. Мантия, наверное, будет мешать двигаться в танце. Но, с другой стороны, свитер был коротковат. Гермионе купила его мама сразу после того, как та вернула родителям память. Но не учла, что за то время, что Гермиона, Рон и Гарри искали крестражи Гермиона хоть и похудела, но при этом заметно подросла. И при каждом поднятии руки или наклоне свитер задирался, обнажая поясницу и живот. Рон находил это очень милым и при этом постоянно краснел. Гермиона же чувствовала себя настолько непривычно, что перестала надевать свитер даже во время редких визитов домой на выходные, чтобы порадовать маму. Но сейчас рука так и тянулась к нему. А если свитер и мантию? Решено! Быстро надев джинсы, Гермиона бросила взгляд в зеркало. От волнения щеки были розовыми, а глаза блестели. Хотя девушка и вела себя спокойно, объясняя разволновавшемуся Рону и хмурому Гарри, почему она не может (и не должна!) отказаться выполнять просьбу-приказ Макгонагалл, ее саму ситуация на самом деле нервировала. И Гермиона не знала, чем больше: необходимостью тратить время на то, что ей было не нужно или тем, что рядом с ней будет именно Малфой.

– Мне не нравится эта затея, ты и хорек вместе учите дурацкий танец! – сжимал кулаки Рон буквально час назад в гостиной.

– Не хорек, а Драко. И учить нас будет Почти Безголовый Ник. Я не думаю, что Малфой вернется каким-либо глупым шуточкам или попыткам меня задеть, – нравоучительным тоном ответила тогда Гермиона. И повернулась к Гарри.

– Ты хоть ему скажи!

– Малфой кинул мне палочку. Думаю, в чем-то он изменился, как и многие из нас. И, думаю, идея напомнить об этом Слизерину и Гриффиндору имеет смысл, – медленно ответил Гарри. Но в его взгляде Гермиона прочла другое:

«Если ты бы на самом деле хотела, ты нашла бы способ отказаться. И Макгонагалл не смогла бы тебя заставить. Значит, ты тоже считаешь, что это может быть хоть чем-то полезным для Хогвартса».

А, может, Гермиона это просто придумала? С чего бы Гарри считать, что она на самом деле не против этой дурацкой, отнимающей время затеи? Вздохнув, Гермиона закинула в рот маленький леденец со вкусом вишни и вышла из спальни девочек. К счастью, все так привыкли, что Гермиона допоздна сидит за книгами в гостиной, что никто не стал расспрашивать, почему она не идет спать. Гермиону вообще последнее время мало о чем спрашивали, настолько быстро она научилась строить стену между собой и всеми, кто желал узнать: « а как оно было?». Плохо оно было. Страшно. Больно. Почти безнадежно и, оглядываясь назад, Гермиона иногда не понимала, как им вообще удалось сохранить в себе ту безрассудную храбрость и надежду. Выскользнув за дверь, Гермиона быстро пошла по непривычно пустому и тихому коридору. Портреты на стенах смотрели на нее, но не делали замечаний: видимо, были в курсе распоряжения Макгонагалл. Гермиона поймала себя на мысли, что очень хочет увидеть в пустой раме Дамблдора. И, как бы это ни было странно, Снейпа. Первому сказать как сильно она скучает и как сильно злится на то, что он знал, через что должен будет пройти Гарри. И все они. Второму сказать «спасибо» и «простите». Но никто не видел в Хогвартсе ни Дамблдора, ни Северуса Снейпа. У входа в подземелья, спиной к Гермионе, стоял широкоплечий высокий

юноша, в брюках и шерстяном джемпере, ладно очерчивающих крепкую, хорошо сложенную фигуру. Гермионе потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это Драко.

– Я тебя не узнала, – вырвалось у нее.

Дура!

Драко повернулся.

– Даже в семье Малфоев в гардеробе есть более удобные вещи, чем мантии и классические костюмы, – отозвался он. – И более теплые. А я не люблю мерзнуть.

– Я думала, слизеринцы привыкли к уюту подземелий, – хмыкнула Гермиона, когда они пошли вперед по коридору. Проходя мимо кабинета зельеварения Гермиона невольно замедлила шаг. Казалось, что вот-вот распахнется дверь и оттуда выйдет профессор Снейп. Заломит бровь на своем бледном лице и брезгливо скажет что-то, вроде:

– Вы не в курсе, что после отбоя полагается спать, а не шататься по коридорам? Минус десять очков Гриффиндору!

– Привыкли, – не обратил внимания на легкую подколку Малфой. – Да и очаг в гостиной, когда надо, горит ярко. Но после встреч с Волан-де-Мортом начинаешь очень ценить ощущение тепла и отсутствие дрожи во всем теле.

Гермиона скосила на Драко глаза. Лицо его было непроницаемо. И только скулы особенно сильно выделялись из-за того, как крепко Малфой стиснул челюсти. Несколько комнат они прошли молча, а затем Драко остановился.

– Бальный зал. Ник часто бывает здесь. Надеюсь, мы его застанем. Не хочу торчать тут до утра.

Гермиона, ничего не ответив, открыла дверь, ведущую в покрытое кромешной темнотой помещение. Пахнуло сыростью.

– Люмос Максима, – сказала Гермиона, доставая палочку. Огонек, отделившись, проплыл вперед и завис чуть впереди, очертив круг света. В кругу тут же заплясали пылинки. Стали видны обветшалые гобелены на каменных стенах, свечи в подсвечниках на высоких ножках и огромная люстра с огарками свечей, на стеклянных подвесках которой мерцали блики.

– Имейте совесть, молодые люди, нельзя же так врываться и сразу слепить глаза! – откуда-то из неохваченной светом глубины выплыл Почти Безголовый Ник.

– Было бы что слепить, – отозвался Малфой вполголоса. Почти Безголовый Ник, впрочем, услышал.

– Простите, сэр Николас, – поспешно ответила Гермиона, видя, как разозлившийся призрак начинает угрожающе надвигаться на привалившегося плечом к дверному косяку Драко.

– Мы ни в коем случае не хотели причинить вам неудобства. Нас прислала директор Макгонагалл.

– А, Минерва и ее танец, – Почти Безголовый Ник остановился и, зависнув в воздухе, махнул рукой. Одна за другой холодным голубым светом зажглись свечи в подсвечниках, освещая достаточно просторный каменный зал. Последней загорелась люстра, многолапым пауком висевшая под высоким потолком. Гермиона погасила люмос и убрала палочку обратно в задний карман джинс.

Драко отлепился от косяка и шагнул вперед.

– Профессор сказала, вы должны научить нас какому-нибудь танцу, чтобы мы открыли Святочный бал, – добавил он, пробегаясь взглядом по залу. сэр Николас недовольно прищурился.

– В смысле, мы будем очень признательны вам за помощь, – опять вмешалась Гермиона, мысленно показывая Малфою кулак. – Мы ничего не знаем о красивых бальных танцах. А вы, все-таки, аристократ и рыцарь… – добавила она капельку лести.

Почти Безголовый Ник облетел по кругу Гермиону и Драко, задумчиво потирая подбородок.

– Героиня из «Золотого трио» и отпрыск семейства Малфоев, открыто выступивший против Волан-де-Морта в решающий момент… да, в этом что-то есть, – согласился он. – Что ж…в мое время, конечно, танцы были другими. Но я неплохо знаком и с более поздними вариантами. Не буду оригинален. Конечно же это будет вальс. Но не то ужасное топтание, которое я увидел на последнем Святочном балу, – призрак поморщился, будто сами воспоминания причиняли ему боль. Драко приподнял брови и Почти Безголовый Ник тут же повернулся к нему:

– И не надо так смотреть, юноша! Если вы думаете, что ваше исполнение было безупречно, то вы жестоко ошибаетесь!

Гермиона не сдержала улыбки, глядя на вытянувшееся лицо Драко. Почти Безголовый Ник снова облетел их.

– Встаньте друг к другу, чтобы я посмотрел, – велел он. Гермиона перестала улыбаться. Встать рядом с Драко? Встать напротив него? Встать близко? Почему-то простая просьба призрака заставила ее чувствовать себя неуютно. Малфой едва заметно закатил глаза и сам подошел к Гермионе.

– Вспоминай, Грейнджер, – сказал он с легким вздохом. – Ты же танцевала с тем увальнем на балу.

– Крам не был увальнем, – вспыхнула Гермиона, но Драко только ухмыльнулся в ответ и взял ее за руку, вторую руку кладя под лопаткой. Ладонь Малфоя была неожиданно горячей и девушке казалось, словно отпечаток остается у нее прямо на коже. Положив руку на плечо Драко Гермиона уткнулась взглядом куда-то в область шеи Малфоя.

Со стороны призрака послышался тяжелый недовольный вздох.

– Допустим, – пробормотал он. – Допустим, я превращу эти два деревянных изваяния в танцующих людей… Постойте так еще немного. И постарайтесь хоть немного расслабиться.

– Я расслаблен, – сквозь зубы прошипел Драко. Рука его продолжала обжигать спину Гермионы.

– Я тоже, – поспешила подтвердить Гермиона, сосредотачиваясь на вязке свитера Драко. Петля к петле, очень аккуратно. И все же она увидела, как позади Малфоя, сквозь дальнюю стену зала вплыло еще одно привидение: дама, в старинном платье, то и дело прижимающая к глазам платочек.

– О, сэр Николас, – глубоким грудным голосом сказала она, приближаясь. – Как отрадно, что я встретила вас в сей скорбный час.

– Леди Утоллен, – Почти Безголовый Ник, казалось, был не очень рад появлению дамы. – Чем же скорбен ваш час в этот раз?

– Все тем же, я снова вспомнила своего ненаглядного супруга, – призрачная дама зависла возле поспешно отступивших друг от друга Драко и Гермионы, заинтересованно разглядывая их.

– Вы очаровательно смотритесь вместе, очень гармоничная пара!

– Мы не пара! – почти одновременно возразили Драко и Гермиона.

– Когда я впервые встретила своего ненаглядного кабанчика, мы были немного младше вас, – не обратила никакого внимания на их возмущение леди. Она внимательно переводила взгляд с Малфоя на Гермиону и обратно, словно что-то прикидывая в голове.

– Кого встретили? – удивилась Гермиона. Леди Утоллен незамедлительно поднесла к глазам платочек.

– Моего обожаемого Генриха, моего кабанчика! – провыла она в снова начавшемся рыдании. Сэр Николас приподнял свою голову за волосы над воротником – зрелище, от которого Драко и Гермиону передернуло.

– Сочувствую вашей утрате, леди Утоллен, – дежурно и явно не в первый раз сказал он. Леди перестала рыдать.

– Но я хочу сказать, что всегда способна разглядеть пламя зарождающейся любви! – переход от стенаний к восторженному пылу в голосе был неожиданным и настораживающим. – Никакие стеснения и сомнения не должны стоять на пути у истинного чувства! Даже если влюбленные сами еще не разглядели его!

– Что? Вы о чем? – Драко недоуменно нахмурился. Разумеется, его вопросы остались без ответа. Леди сунула платочек в вырез платья и потерла руки. Призрачные ладони окутало призрачное же сияние.

– Леди Утоленн, что вы собираетесь… – начал было Почти Безголовый Ник, но леди было уже не остановить.

– Сегодня как раз полная луна и граница между мирами особенно тонка. Прекрасная ночь для призрачной магии, – леди сдула с ладоней серебристую пыль, полетевшую в Драко и Гермиону. – Это мое вам благословение, чтобы ваша связь стала прочной и неразрывной. К Святочному балу надеюсь услышать добрые вести! А до него – желаю вам не разлучаться, чтобы по-настоящему узнать друг друга!

– Леди Утоленн, Мерлина ради, что вы творите! – теперь взвыл Почти Безголовый Ник. Но леди, довольная собой, уже стряхивала с рук остатки пыли.

– Я делаю доброе дело, – отрезала она. – Столько горя случилось за последнее время. Пора бы случиться и хорошему! Вам ли не знать, сэр Николас, какие перемены происходят! Пусть счастья будет как можно больше! – с этими словами леди проплыла мимо Почти Безголового Ника и прошла сквозь стену.

– Что это сейчас было? – Малфой брезгливо провел рукой по рукаву свитера.

– Что это за благословление, сэр Николас, вы знаете? – встревоженно спросила Гермиона у призрака. Сэр Николас нахмурился.

– Думаю, что пустая болтовня. Мы, призраки Хогвартса, действительно обладаем своей магией, если вы не знали. И в ночь полной луны она действительно может усиливаться. Но я не думаю, что вам стоит о чем-то беспокоиться. Леди Утоленн особа… достойная, но очень уж восторженная и обожает романтические истории. Иногда ее воображение заводит ее слишком далеко. Приходите завтра перед ужином. Начнем с того, чтобы вы хотя бы научились расслабляться рядом друг с другом.

И не сочтя нужным дать какие-либо еще объяснения Почти Безголовый Ник медленно поднялся вверх и прошел сквозь потолок.

– Лучше бы я спать лег пораньше, – поморщился Драко и повернулся к двери. – Идем, Грейнджер. У нас есть отсрочка на целые сутки, прежде чем мы начнем отдавливать друг другу ноги.

– Почему ты решил, что я буду отдавливать тебе ноги? – уязвленно поинтересовалась Гермиона. Малфой на ее вопрос даже не повернул головы.

– Потому, что невозможно быть отличницей во всем, – ответил он таким тоном, словно это было очевидным. Гермиона фыркнула.

– Ты знала, что у призраков есть своя магия? – спросил вдруг Драко, когда они шли в обратную сторону.

– Я всегда считала, что призраки сохраняют свои магические способности, но не могут проявлять их в мире живых. Но не уверена, что сэр Николас говорил именно об этом. Надо будет расспросить его в следующий раз, – Гермионе было досадно признавать, что есть какой-то вопрос, на который она не знает точного ответа. Но Малфой, кажется, совсем не обратил на это внимания.

– Я – спать, – Драко остановился на повороте. Гермиона знала, что один из коридоров подземелья ведет в якобы тупик, где на самом деле скрывается проход в гостиную и спальни факультета Слизерин. В тот неудачный год, когда в зелье попал кошачий волос она так и не

побывала там, зато Гарри и Рон в деталях описали ей, как зеленоватый отсвет от озера придает сумрачный и слегка загадочный вид всей гостиной.

– До завтрашней репетиции, – кивнула Гермиона, подавляя зевок. Глаза у нее слипались. По дороге в башню Гриффиндора она никак не могла перестать прокручивать в голове странные слова леди Утоллен. Чувство смутной тревоги скручивалось в животе узлом и Гермиона, тряхнув головой, приказала себе собраться. Сэр Николас сам сказал, что это ничего не значит. Ну вообразила себе дама что-то, чего нет. Она даже заклинания никакого не произносила, а разноцветную пыль Фред и Джордж еще пару лет назад в свои хлопушки добавляли. Гермиона продолжала уговаривать себя, пока принимала душ и чистила зубы, но тревога все усиливалась и усиливалась. Необъяснимая, непонятная, тягучая. Девушка строго посмотрела на свое отражение в зеркале, надела пижаму, легла в кровать и закрыла глаза. В воображении тут же возник Драко. Теперь было не тревожно, а страшно: почему Гермиона здесь, одна, когда Драко там? Логики в этом не было никакой, но призывы к здравому смыслу помогали все меньше и меньше. Ее мысли, ее сознание сузились до узкой точки и шумом крови бились в ушах: Драко, Драко, Драко! И когда иррациональный, абсолютный ужас накрыл ее с головой, Гермиона вскочила с кровати и, едва всунув ноги в туфли, выбежала в ночные коридоры Хогвартса.

Драко пришел ко входу в подземелья за пять минут до отбоя. Пришел бы еще чуть раньше, но задержался, выбирая, какой из теплых свитеров надеть. «Малфои в любой ситуации выглядят безупречно», – внушала Нарцисса, даже когда ее губы подрагивали от страха, пока она помогала сыну расправить воротничок на рубашке, готовясь к первой встрече с Волан-де-Мортом. Драко тогда справился. Держал лицо, отвечал на ленивые вопросы вполне связно и проблевался от страха уже дома. Прямо в безупречную клумбу цветов, растущих у безупречной подъездной дорожки. Мать и отец тогда стояли позади, молча. И, когда Драко, наконец, смог разогнуться так же молча положили руки ему на плечи.

Гермиону Драко узнал не сразу: в первые секунды ему показалось, что к подземельям приближается какая-то незнакомка. Высокая, стройная, освещаемая лишь приглушенным светом факелов на стенах. Потом он увидел лицо и сам себя мысленно обругал: это же Грейнджер, такая же как всегда. Все это было непривычно. И то, что они шли рядом, и то, что обменивались обычными репликами, почти без попыток съязвить. Сэр Николас, скомандовавший им встать рядом. Странная скованность, даже робость, с которой он взял Гермиону за руку. И дело было не в том, что это же Грейнджер, грязнокровка – он давно уже не думал такой категорией. Просто это было… странно. Будто его сдернули с пути, с дороги, которая только-только снова стала прямой и понятной и он растеряно стоял на обочине, не понимая: что от него теперь-то требуется?

А леди Утоллен не понравилась Драко с первой секунды. До этого он и представить не мог, что призраки могут вызывать антипатию. Брезгливость – иногда. Страх – порой. Любопытство. Даже чувство привычки. Но антипатию? Эти слезы в платочек, резкий переход к неуместному восторгу, дурацкое предположение, что они с Гермионой хорошо смотрятся вместе. Как и дурацкое театральное представление. А самым противным было то, что по спине в какой-то момент все равно побежали предательские мурашки. Слишком уже уверенной в своих словах показалась леди.

Струи горячего душа помогли ненадолго прогнать появившуюся непонятную тревогу. Драко почистил зубы, переоделся в пижаму, оставив рубашку расстегнутой: ему почему-то стало вдруг жарко. Жарко и снова тревожно, мысли то и дело возвращались к Гермионе и в какой-то момент Малфой даже потянулся к зелью. Потянулся и застыл, усилием воли заставив себя отдернуть руку. Надо просто уже лечь спать и утром будет легче. Но спать не получалось. Получалось нервно ворочаться, наконец, скинуть одеяло и сесть, в ужасе обхватив себя руками. Почему он здесь, а Гермиона там? Почему он один, без нее?! Времени размышлять над очевидной нелепостью этого вопроса просто не было. Малфой наспех обулся и почти выбежал

в коридор, подгоняемый нарастающим ощущением ужаса. Сердце быстро колотилось, дышать становилось все тяжелее и Малфой с трудом сдерживался, чтобы не побежать. Надо было идти туда, к башне Гриффиндора, скорее. Шаги Драко гулко звучали в тишине и в какой-то момент стали отзываться эхом впереди. Драко прищурился: да нет, не может же быть такого совпадения? Но это была Гермиона, так же быстро идущая навстречу ему, хмурясь и нервно кусая губы. И чем ближе они подходили друг к другу, тем больше разглаживалось ее лицо и тем лучше становилось Драко. Когда они встали друг напротив друга, чувство страха уступило место чувству покоя и ощущению абсолютной правильности.

– Мне кажется, у нас проблема, – даже сейчас Гермиона старательно подбирала выражения.

– Мне кажется, мы в заднице, Грейнджер, – Драко был менее сдержан. – Есть идеи? Идем отлавливать леди Утоленн или Почти Безголового Ника?

Гермиона покачала головой.

– Нет. Это призраки, Драко. Если она не захочет появляться или отвечать нам, мы ничего не сделаем и просто потеряем время. Нужно будить дирек… профессора Макгонагалл.

– Чур ты стучишь, – мрачно отозвался Драко. И, поймав взгляд Гермионы, скользнувший по его груди, почему-то смутился и застегнул рубашку на несколько пуговиц. Лицо Гермионы стало непроницаемым.

– Идем, – резко развернулась она. – Спальня Макгонагалл рядом с ее кабинетом.

ГЛАВА 4

У Минервы Макгонагалл было немного слабостей. И все их она тщательно скрывала: маггловские детективы, особенно про мисс Марпл, вкусный шоколад, мыло, пахнущее мятой, шелковые маски для сна и вечера этих самых слабостей. Вечера считались таковыми, когда приняв контрастный душ и благоухая мятой Минерва намазывала кремом руки, надевала уютную теплую ночную рубашку и ныряла в кровать. Где на пахнущей свежестью простыне уже лежала грелка для ног, наполненная горячей водой. На тумбочке стояла чашка чая и лежала шоколадка, а рядом ждала книга. И прочтя эту книгу и надев маску, Макгонагалл отдавала себя в объятия тяжелого одеяла и мягкой подушки. Без всяких сидений над отчетами, полезных дел на благо Хогвартса, тяжелых мыслей, выстраивания планов и распорядков и прочего. А вот ученики, зовущие ее под дверью кабинета почти в полночь, не вписывались ни в вечер слабостей, ни в выстраивание планов, ни вообще куда-либо. Позволив себе короткое, но емкое ругательство, Минерва с сожалением вылезла из-под одеяла, накинула халат, вышла из спальни, прошла через кабинет и рывком распахнула дверь.

– У вас есть пять секунд, – строго перевела она взгляд с Драко на Гермиону и обратно. Выглядели они напуганными.

– Нас проклял призрак, – Гермиона даже здесь умудрилась выступить на «отлично», уложившись в две секунды.

– Допустим, – Макгонагалл посторонилась, пропуская обоих в кабинет. В то, что хогвартский призрак мог найти в себе силы и желание проклясть учеников Минерва не верила. Да и вообще не сталкивалась с таким раньше. С другой стороны, раньше и ученики школы не гибли в бою…

– Я слушаю вас, – Минерва села за стол, плотнее запахнув халат. Драко и Гермиона, перебивая друг друга, принялись рассказывать. По мере их рассказа, брови Минервы поднимались все выше и выше. Под конец истории Минерва, не сдержавшись, фыркнула как недовольная кошка.

– Честно говоря, я так давно не встречала леди Утоленн, что думала, что она уже развоплотилась, – Макгонагалл побарабанила пальцами по столу, пытаясь понять, что нужно сделать. Вот тебе и спокойный вечер с книгой.

– Мы провели эксперимент, – продолжила Гермиона. Ну, разумеется, как же иначе. – Мы с Малфоем снова разошлись подальше друг от друга. Чем больше мы удалялись, тем сильнее становилось чувство тревоги. Если Драко находится в районе подземелий, а я в гостиной Гриффиндора, тревога превращается в чувство нарастающего ужаса и паники. Максимальное время, которое мы смогли выдержать – около получаса.

– Что нам делать, профессор? – спросил Драко. Голос его дрогнул. – Меня ждут в выходные мои родители.

– Да расписание уроков у нас не всегда совпадает, – добавила Гермиона.

Макгонагалл вышла из-за стола и прошлась по кабинету. Драко и Гермиона следили за ней, поворачивая голову. Ну прямо совята на жердочке.

– У призраков действительно сохраняется магия после смерти, – сказала Минерва. – И свой, призрачный мир с другими законами по которым может действовать эта магия. Однако обычно призраки не могут воздействовать на живых.

– То есть, это заклинание скоро развеется? – с надеждой спросила Гермиона. Макгонагалл покачала головой.

– Не знаю. Здесь, в Хогвартсе, совсем недавно творилась мощнейшая волшба. Гремели заклинания, проливалась кровь и умирали люди. Это повлияло на сам Хогвартс – хвосты некоторых заклинаний мы отлавливаем до сих пор, да и замок иногда чудит.

– Это правда, – согласился вдруг Драко. – Пару дней назад одна из лестниц просто начала катать меня по кругу, не желая останавливаться. Было… неприятно.

Макгонагалл кивнула.

– Я могу предположить, что все это могло подпитать и мир призраков. И вызвать эффекты, которых никто не ожидал.

– Вы хотите сказать, что нам придется ходить друг за дружкой до Святочного бала?! – в голосе Гермионы звучал неподдельный ужас. Драко молчал, но его выражение лица говорило само за себя. Минерва с тоской подумала о грелке в кровати. По-человечески она сочувствовала обоим. Но после войны, после всего, что они пережили – даже эта неудобная, странная выходка леди Утоленн не казалась такой уж страшной. До Волан-де-Морта, до всех событий, Минерва была бы очень расстроена. Призрак, вмешавшийся в жизнь живых! Магия, которая, если говорить начистоту, живым была абсолютно непонятна, потому что живые почти не соприкасались с ней. Но сейчас… сейчас Макгонагалл чувствовала жалость к двум попавшим в дурацкую ситуацию ученикам и огромную, навалившуюся на нее усталость. Даже самым сильным нужна передышка.

– Не обязательно до бала, – утешила Макгонагалл девушку. – Заклинание может развеяться намного раньше. Может даже через пару дней. А, может, леди снимет его, как только я с ней поговорю. Но и вы должны понять: призраки не ученики. Леди не обязана являться ко мне по первому моему зову. Возможно, пройдет несколько дней, прежде чем мне удастся поговорить с ней.

– А сейчас нам что делать? – спросил Драко. Минерва представила кислое лицо Люциуса Малфоя, если он узнает о случившемся. Даже после Азкабана и суда Люциус мог подпортить жизнь Хогвартса. Лучше бы и ему, и Нарциссе оставаться в неведении. Лучше бы этому заклинанию испариться… прямо сейчас.

– Я бы не хотела, чтобы все вокруг об этом узнали, – сказала Гермиона. – Будет… слишком много внимания. Очень странная ситуация, согласитесь, профессор.

– Поддерживаю, – быстро сказал Драко. Минерва ненадолго задумалась.

– У нас есть свободные апартаменты, в них когда-то проживал Златопуст Локонс, – Минерву аж передернуло от воспоминаний. – Кабинет с большим диваном, спальня и ванная комната. Утром встанете раньше остальных и ненадолго вернетесь к себе. Во время завтрака

вы будете недалеко друг от друга, если какие-то занятия завтра не совпадают – предупредите меня. Надеюсь, к вечеру ситуация уже разрешится.

Макгонагалл ожидала возражений, но Драко и Гермиона пришибленно молчали.

– Ну вот и славно. Кабинет, надеюсь, вы помните. Пароль: «коклеаре ариум». Я в любом случае найду вас после завтрака.

Когда Драко и Гермиона вышли, Минерва повернулась к портретам, висевшим на стене. Те наперебой принялись высказывать свои предположения, но Макгонагалл, подняв ладонь, попросила тишины.

– Пожалуйста, найдите Почти Безголового Ника и попросите его сразу же явиться сюда. Скажите, что дело касается заклинания леди Утоленн. Буду благодарна вам за помощь, – сказала она. И, снова сев в кресло, откинулась на спинку и устало закрыла глаза. Профессор даже успела задремать, когда услышала деликатное покашливание. Сэр Николас завис перед ее столом и почтительно склонил голову, приветствуя.

– Сэр Николас, спасибо, что так быстро явились, – Макгонагалл встала и пригладила рукой волосы.

– Моя госпожа, – призрак называл Минерву так и никак иначе с момента их первой встречи. Сначала та возражала, но потом начала находить это в какой-то степени очаровательным. Старомодным, но очаровательным.

– Вы знаете, где сейчас леди Утоленн? – сразу же спросила Минерва. Почти Безголовый Ник развел руками.

– Леди лишь несколько лет назад снова стала снова проявляться. А после недавних событий… скажем так, нам всем есть над чем подумать. И чем заняться. Такое количество магии, включая запретную, отразилось на Потустороне.

– Так я и думала, – вздохнула Минерва. – Значит, призраки получили возможность влиять на живых?

Формулировка для призрачного мира была на грани приличия. Но Минерве было не до выбора слов, а сэр Николас ей готов был простить абсолютно все. Поэтому призрак лишь покачал головой.

– О нет, моя госпожа. Магия призраков все так же остается в призрачном мире. Но вы сами знаете, что иногда граница между нашими мирами почти стирается. И то количество заклинаний, которые гремели здесь во время битвы с Волан-де-Мортом немало этому поспособствовали. Могу предположить, что случайности и совпадения просто наложились друг на друга. И не думаю, что сама леди Утоленн смогла бы сейчас что-то изменить или отменить.

Макгонагалл почувствовала настоятельную потребность прямо сейчас налить себе три пальца хорошего огневиски и опрокинуть залпом.

– То есть, ждем Святочного бала, – обреченно уточнила она. Сэр Николас снова развел руками.

– Но, возможно, леди Утоленн действительно увидела что-то, чего не видим мы? – предположил он. Макгонагалл мрачно взглянула на него.

– Я могу сказать, чего она не увидела. Скандал, который случится, если вся эта история станет широко известна.

Почти всю дорогу до комнат Драко и Гермиона молчали, погруженные в свои невеселые мысли. Драко пытался придумать, как избежать обеда в выходной день и получится ли это сделать. Гермиона пыталась представить лица друзей, когда она им обо всем расскажет. Что подумает Рон? Как отреагирует Гарри? А Джинни?

– Я думал, ты скажешь про Рона и Гарри, – сказал вдруг Малфой, когда они почти дошли до места.

– Что скажу? – не сразу поняла Гермиона. Драко раздраженно выдохнул.

– Первое, что тебя обеспокоило во всем этом бреде, что у нас не совпадает расписание уроков, – напомнил он.

– Но это правда важно. И очень неудобно, – вспыхнула Гермиона. – У нас очень важный выпускной год! И я должна сдать С.О.В на высшие баллы! А Рон и Гарри все поймут. Мы столько вместе пережили, они поддержат меня и сейчас.

– Но ты не уверена, – Драко остановился перед дверью. – Коклеаре ариум!

– Почему ты так думаешь? – Гермиона, следом за Малфоем, прошла внутрь.

– Потому, что ты терла пальцы друг от друга. Ты всегда так делаешь, когда не уверена в чем-то. Например, когда я говорил тебе гадости, а ты не могла сразу на них ответить… А тут неплохо, – Драко, остановившись в центре кабинета, повернулся вокруг свой оси. Мягкий ковер, камин, большой массивный стол из дерева. Широкий, удобный на вид диван, столик и два кресла – все вместе действительно смотрелось приятно и вполне уютно. Гермиона, смущенная и одновременно раздосадованная наблюдательностью Драко зашла в спальню и, следом, в ванную. Широкая кровать с атласным покрывалом, ванная на ножках, стопка пушистых полотенец и куча баночек и скляночек с мылом, шампунем и кремами.

– Мы можем спать на диване по очереди, и белье надо будет принести с подушкой, – Гермиона, стоя спиной к выходу из ванной сделала пару шагов назад и уперлась в неслышно подошедшего Драко. Тепло его тела мгновенно окутало Грейнджер и она почему-то замерла, вместо того, чтобы извиниться и снова шагнуть вперед. Или обойти Драко. Тот, впрочем, тоже не двигался.

– Можешь спокойно занять кровать, Грейнджер, я надеюсь, что мы тут застряли всего на одну ночь, – дыхание Драко шевелило волосы на макушке девушки. Он, наконец, сам шагнул в сторону и Гермиона, повернувшись вернулась в спальню. Драко смотрел куда-то в сторону – и хвала Мерлину. Потому, что этот внезапный контакт почему-то заставил Гермиону нервничать почти как же, как экзамены на первом курсе.

– А если не на одну? Будет нечестно, – ответила Гермиона упрямо, сама не понимая, зачем прицепилась к такой ерунде. Драко, наконец, посмотрел на нее. В глубине его серых глаз плескалось какое-то странное выражение. Усталость вместе со…смирением? И еще немного растерянности. И… что-то еще, что Гермиона не смогла понять.

– Пока я был маленьким, отец очень многое мне прощал. Мир вертелся вокруг единственного наследника Малфоев, и никто не смел в этом усомниться, – Драко говорил равнодушно, словно речь шла не о нем. – Но когда я стал старше, отец очень четко дал мне понять, что у мужчин в роду Малфоев есть не только масса привилегий и обостренное эго, но и кодекс поведения. Чтобы никто не мог разглядеть даже пятнышка на репутации. А что мы обосрались, связавшись с абсолютным безумцем, который крошил не только магглов, но и волшебников – так кто ж мог подумать, – неожиданная грубая вспышка злости Драко так удивила Гермиону, что она даже пропустила мимо ушей замечание про магглов. Впрочем, Малфой тут же взял себя в руки.

– Это я к тому, что, конечно, отец всегда имел ввиду леди из высокородных семей волшебников. Но я, извини уж, делить волшебников по сортам немного устал. Так что спать на диване буду я. А девушка, то есть ты, будет спокойно спать на нормальной кровати.

Гермиона, помедлив, все-таки коснулась руки Драко. Тот едва заметно вздрогнул.

– Спасибо, Драко. Я понимаю, что такое следовать привычным правилам и делать то, что от тебя ожидают. Но мне проще и спокойнее по-честному. Не чувствовать себя обязанной.

Теперь настала очередь Драко удивляться.

– Обязанной в чем? Что о тебе просто позаботились?

Гермиона пожала плечами.

– Я пряталась по лесам от Волан-де-Морта, питалась черт знает чем и трансфигурировала старый платок в нижнее белье. Немного унизительно, если честно. С чего бы мне ждать к себе особенного подхода?

Драко, чуть нахмурившись, смотрел на Гермиону.

– Странные какие-то выводы. Но как хочешь, спорить не буду. Завтра, если придется, на диване спишь ты, – с этими словами Драко ушел в кабинет. Лег на диван, и закрыл глаза, скрестив руки на груди. Гермиона села на кровать.

Почему странные?

ГЛАВА 5

– Гермиона Грейнджер и Драко Малфой! – громкий, явно усиленный магией голос разнесся по коридору, стряхнув с Гермионы остатки сна. Она проворочалась почти до рассвета и разбудила Драко за час до общего подъема. Судя по залегшим теням под глазами, Малфой тоже спал плохо. Они по очереди умылись и почистили зубы, взяв из шкафчика в ванной новые зубные щетки. Причесались и, тихо выскользнув за десять минут до подъема, разбежались по своим факультетам. Сделать вид, что встали только что, скинуть одеяло, чтобы его «застелить» на глазах остальных, быстро одеться и, когда тревога уже подкатит к горлу, идти на завтрак в числе самых первых. Рон и Гарри, пришедшие сильно позже, удивились, что Гермиона не дождалась их как обычно.

– Простите. Вчера, когда мы были у Почти Безголового Ника кое-что странное случилось, – шепотом сказала Гермиона. – Давайте встретимся после уроков в центральной галерее. Я вам все расскажу.

– Тебе нужна помощь? – встревожились Рон и Гарри. Гермиона покачала головой.

– Все расскажу! – увидев, что Драко уже доел и смотрит на нее, Гермиона едва заметно кивнула ему головой. И оба, стараясь встать не синхронно, вышли из зала. Сначала Гермиона, а спустя пару минут и Драко, задержавшийся, чтобы перекинуться парой слов ни о чем с Забини, как раз заходившим в зал. Они планировали покрутиться неподалеку до начала уроков, раз Макгонагалл обещала встретиться с ними после завтрака, но ждать и не пришлось.

– Грейнджер и Малфой! – если после первого громогласного крика в коридоре и зале еще были разговоры, то теперь они умолкли. Все головы повернулись в сторону Минервы, которая надвигалась на Драко и Гермиону грозовой тучей. Оба замерли неподалеку друг от друга как нашкодившие первоклашки. Минерва поманила их пальцем, заставляя подойти и встать перед ней.

– Молодые люди, я спешу напомнить вам, что Хогвартс это, в первую очередь, школа для ВСЕХ волшебников, – пророкотала Минерва, грозно сдвигая брови. – И никакие ваши заслуги не дают вам права возвращаться к вашей старой вражде и тем самым подавать такой отвратительный пример остальным! Я ожидала от вас куда большей адекватности! У меня нет времени и желания снова возвращаться к этой бессмысленной истории, когда Хогвартс только начинает оправляться и приходить в себя! И чтобы остальные поняли, насколько я серьезна: у вас есть время до Рождества, чтобы подготовить мне подробное исследование на тему того, что чистота крови не влияет на магические способности, а чистокровность рода не приводит к вырождению этого самого рода! И если я услышу хоть еще одну ссору, хоть еще один обмен оскорблениями – к вашим исследованиям прибавятся новые темы! И это касается всех! – Макгонагалл обвела потрясенно затихший коридор тяжелым взглядом. Из зала высовывались ученики. Минерва снова посмотрела на опешивших Гермиону и Драко и неожиданно едва заметно им подмигнула.

– И мне безразлично, сколько времени вне уроков вы потратите на это исследование! Сидите вечерами, утром перед завтраком, все свободное время, хоть приклейтесь друг к другу! Но я хочу увидеть двух учеников, которые своим поведением и слаженной работой подают

пример остальным! И да, это исследование должно быть таким, чтобы я могла отправить его хоть в Министерство! Жду вас после первого урока у себя в кабинете!

– После первого урока у нас второй, – выдохнул растерянно Драко в спину удаляющейся Макгонагалл.

– Что это сейчас было?! – в загудевший как улей коридор выскочили Рон и Гарри. – Гермиона, ты об этом хотела рассказать?

Рон положил ладони на плечи Гермионы, вглядываясь ей в глаза. Драко окружили несколько человек, включая Пэнси и он вяло отбивался от их расспросов.

– Идем, – Гермиона взяла Гарри и Рона за руки и отвела в дальний угол коридора, к окну, игнорируя любопытные взгляды и перешептывания.

– Я буду рассказывать быстро, а вы не перебивайте. Не хочу, чтобы мы еще на историю магии опоздали.

– Да и Мерлин с ней, – пробормотал Рон и осекся под укоризненным взглядом Гарри: просили же не перебивать. Когда Гермиона закончила свой сбивчивый рассказ, лицо Рона было просто пунцовым. Да и Гарри выглядел непривычно потерянным.

– И ты что, будешь с этим хорьком поганым еще и спать в одной комнате?! И как я должен к этому относиться?! – голос Рона был хриплым от злости.

– Не в одной, а в разных. Относиться как к ситуации, решать которую помогает директор Хогвартса, – злость Рона была понятна, но почему-то неприятна.

– Хочешь, я ему по шее дам сразу, – насупился Рон. – На случай, если он опять начнет вести себя как скотина.

– Не перегибай палку, – Гарри положил руку на плечо друга. – Гермиона, если тебе действительно нужна наша помощь, скажи. Мы сделаем все, что нужно.

Гермиона благодарно кивнула.

– Мне очень нужно, чтобы вы сделали вид, что все в порядке. Потому, что благодаря Макгонагалл весь Хогвартс теперь будет думать, что я какая-то истеричка, которая сцепилась с Драко. Я понимаю, что ей нужно было как-то обосновать, почему нас могут видеть часто рядом друг с другом. Но, видимо, это значит, что пока что шансов снять заклятье у нас нет.

– Зато к Малфою никаких вопросов ни у кого не будет, ни для кого не сюрприз, что он может снова задрать нос, – проворчал Рон. И покачал головой.

– Прости, Гермиона. Я не подумал, что это тебе придется тайком уходить и приходить из спальни, вставать раньше, постоянно контролировать, на каком ты расстоянии от Драко. Надеюсь, эта мадам Утоленн снимет свое дурацкое заклинание.

– А если нет, можем просто измазать Малфою ночью лицо зубной пастой, – предложил Гарри. Шутка была слабенькая, но все засмеялись – просто чтобы хоть немного сбросить нервное напряжение.

– Не могу поверить, что я это говорю, но лучше бы я сейчас шел на урок к профессору Стебель, – Драко, остановившись перед кабинетом Макгонагалл, покачал головой. – Я себя чувствую так, словно я объект для изучения всего Хогвартса. Корень Мандрагоры, который вот-вот заорет, чтобы его оставили в покое и перестали пялиться.

– Зато у тебя проклюнулось чувство юмора, – сболтнула Гермиона, не успев подумать, как будет воспринята такая формулировка комплимента. Драко к ее словам отнесся равнодушно.

– Сомнительное достижение в роду Малфоев, – только и ответил он. Дверь кабинета открылась, пропуская их внутрь.

– Перейду сразу к делу, – сказала Минерва, поднимаясь навстречу из-за стола. Сказано это было таким тоном, что стало ясно: обсуждать или жаловаться на ее придумку с совместным исследованием будет совершенно бесполезно. – К сожалению или к счастью, но заклинание леди Утоленн снять не получится. Видимо, оно продолжит действовать до Святочного бала, как она и… загадала. Как вы уже поняли, мне пришлось придумать историю, благодаря которой

вам проще будет справляться со всей ситуацией. Я также договорилась с профессором Стебель, что вы задержитесь. Сейчас вы отправитесь в свои комнаты и заберете оттуда те вещи, которые вам будут нужны, чтобы спокойно ночевать в апартаментах. Пока ваши соседи на уроках, вы сможете сделать это незаметно.

– Благодарю вас, профессор, – эта идея Гермиону немного приободрила. По крайней мере не надо будет каждую ночь что-то уносить и каждое утро тихонько возвращать обратно.

– Далее, я просмотрела ваше расписание. Завтра и послезавтра у вас есть несколько несовпадающих по графику уроков, когда вы будете находиться далеко друг от друга дольше, чем полчаса. Перед завтраком я обсудила вашу ситуацию с другими профессорами. Профессор Слизнорт предложил вариант, который может сработать. К вечеру он сварит несколько порций зелья, которое вызывает расслабление и снимает нервное напряжение. «Леви Хетудо». Возможно оно снимет остроту вашей симптоматики и позволит продержаться до конца уроков в тех случаях, когда вы будете в разных классах. Если нет, вам разрешено лично мной покинуть эти уроки.

– Это не зелье расслабления, это зелье отупения! – воскликнула Гермиона. – У него очень короткий эффект, но пока он длится – совершенно невозможно сосредоточиться!

Минерва сдвинула брови на переносице.

– Что ж, тогда вам придется очень постараться. И не забудьте: сегодня я дам вам возможность прийти в себя и отдохнуть, но уже завтра вечером у вас репетиция танца. Почти Безголовый Ник очень вас ждет. Понимаю, что я прошу от вас многого. Но придерживаться обычного распорядка дня и обычных планов – возможно лучшее, что сейчас можно сделать.

– Профессор Макгонагалл, а нельзя нам просто как-то переждать этот период? Без всяких этих зелий и прочего? – спросил Драко. Минерва перевела на него взгляд.

– Разумеется можно, мистер Малфой. Мы можем рассказать всей школе и вашим родителям в том числе об этой досадной ситуации. Вы и мисс Грейнджер не будете покидать Хогвартс, пока действие заклинания не уйдет. Вы будете по очереди посещать уроки друг друга, чередуя, чтобы не оказываться далеко друг от друга. И официально переедете в апартаменты, которые я вам предоставила вчера. Если вы не видите ни одной причины, чтобы делать из этого тайну.

– Я вижу, – мрачно сказала Гермиона, представив какие слухи пойдут от них с Драко.

– Лучше уж пусть думают, что мы настолько взъелись друг на друга, что теперь наказаны и вынуждены вместе работать над исследованием. Чем мы станем объектом пристального внимания. И со стороны семьи Малфой в том числе.

Драко промолчал, но возражать дальше не стал. Может быть, перспектива объяснять все Нарциссе и Люциусу его тоже не радовала.

– Ну вот и чудесно, – слегка повеселела Макгонагалл. – Зелья вам принесут домовые эльфы, как только все будет готово.

– Можно тогда, пожалуйста, еще запасную подушку и одеяло? – попросил Драко. – Их я точно не хочу носить туда-сюда.

Макгонагалл посмотрела на него как на дурачка.

– Мистер Малфой, разумеется домовым эльфам уже отдан приказ следить за порядком в апартаментах. А вы займитесь учебой и подготовкой к Святочному балу. Большего я от вас и не прошу.

– Конечно, профессор, – поспешно ответила Гермиона. И, помедлив, все же решилась спросить:

– Профессор, а вы не знаете, заклинание влияет на что-нибудь еще, кроме того, что нам… ну… становится тяжело находиться друг без друга? На какие-то другие эмоции?

Макгонагалл посмотрела на нее поверх очков.

– Если бы мне было о таком известно, я бы вас, разумеется, предупредила. Вы сами должны знать, что магия подобных заклятий достаточно конкретна. Вам пожелали не разлучаться – вот вы и получили такой эффект.

Они опоздали на половину урока, конечно же снова приковав к себе любопытные взгляды. К счастью для них обоих профессор Стебель попросила Рона и Пэнси подготовить и нарезать за Гермиону и Драко растения, а также подсказала, на какой странице открыть учебник и до какой части урока они уже дошли.

– Я тут подумал, я не поеду в Нору на выходные, – шепнул Рон, мелко шинкуя корни и следя, чтобы не попасть себе по пальцу: «сок, попавший в ранку, разъест вам кожу быстрее, чем вы успеете позвать на помощь, мои дорогие!».

– Зачем, ведь все тебя там будут ждать! – шепнула в ответ Гермиона. Рон даже резать перестал.

– Как это «зачем»? Чтобы поддержать тебя, – с недоумением ответил он. – Я и сегодня откажусь от встречи в клубе любителей необычных сладостей. Давай лучше устроим пикник, чтобы ты отвлеклась. Хотя… – Рон кинул взгляд за прозрачную стену оранжереи: в небе как раз собирались тяжелые серые тучи.

– Можем устроить пикник у вас в этих ваших апартаментах, если Драко пообещает сидеть тихо, – подкинул идею Гарри. Гермиона представила себе лицо Малфоя и не сдержала улыбки. А еще ей стало стыдно. Клуб любителей необычных сладостей организовала ученица шестого курса с Когтеврана, Триша Паттинсон. Смешливая, высокая, слегка нескладная, но очень милая девушка была преданной фанаткой магазинчика приколов Фреда и Джорджа, а еще обожала необычные сладости. Если честно, Гермиона и представить себе не могла, что у такого клуба могут быть последователи. Но их оказалось довольно много: около тридцати учеников. К идее Рона стать членом клуба Гермиона отнеслась примерно так же как ко многим другим его идеям: научиться вязать, чтобы удивить Молли свитером на Рождество, освоить маггловские современные танцы, дрессировать сову и прочим. Все они были странными и быстротечными. Но клуб неожиданно оказался совсем другой историей. Может, он отвлекал Рона от мыслей о смерти Фреда. А, может, ему правда было комфортно среди людей, с которыми можно было подурачиться и всерьез обсудить несерьезные вещи. Но Гермиона ни разу даже не спросила у Рона, как дела в клубе. Девушка и друг, называется.

– Не надо ни от чего отказываться и не надо отменять поездку, – Гермиона ласково посмотрела на Гарри и Рона. – Я хочу, чтобы вы радовались и хорошо проводили время. Чтобы Молли и Артур вас обняли, чтобы Джинни побыла с вами дома. Ничего страшного не происходит. Я жива, здорова, ничего непоправимого не случилось. Не самое удобное и дурацкое – это да. Глупое – пожалуй. Вот заодно и расскажете всем в Норе, что отличница Гермиона вляпалась в историю, которую можно было бы ожидать от вас.

– О нет, я точно не стал бы репетировать с Малфоем, – в притворном ужасе закатил глаза Рон. Гарри прыснул со смеху под недовольным взглядом мадам Стебель.

– Я к тому, что я буду только счастлива, если вы будете жить нормальной жизнью. Мы же никуда друг от друга не денемся, мы все рядом, – продолжила Гермиона.

– Ну да, а шахматы ты все равно не любишь, – подмигнул ей Гарри. – Так что наши вечера в гостиной в этом плане мало изменятся.

– Мистер Поттер, если вы только не хотите сделать пюре, я думаю вам пора прекратить издеваться над горичником, – мадам Стебель строго посмотрела на Гарри. Тот, спохватившись, отложил нож в сторону.

– Простите, профессор.

Гермиона, улыбаясь, только покачала головой.

Сегодня Гермиона не стала даже изображать, что ложится спать. Сослалась на необходимость еще посидеть в гостиной над учебниками, ответила на сочувствующие слова поддержки

(часть из них включала пожелания Слизерину всяких кар на их головы) и, для вида открыв один из учебников и развернув пергамент, стала поглядывать на часы. Гарри и Рон ушли спать пораньше, вымотавшись на тренировке по квиддичу. Пэм дважды выходила из спальни: один раз в поисках забытого носка, второй раз чтобы налить себе воды. Тревор зачитался книжкой перед камином и, кажется, не обращал внимания на то, тут Гермиона или нет. Девушка снова посмотрела на часы. Они с Малфоем расстались двадцать минут назад, значит, у нее еще есть немного времени. Для вида они посидели в библиотеке, в дальнем зале, а когда там осталось совсем мало учеников, проскользнули в апартаменты. Доделать домашнее задание и перевести дух. К отбою им пришлось разойтись по комнатам своих факультетов, предварительно договорившись, что если через полчаса кого-то не будет в апартаментах, второй человек отправится ко входу в гостиную факультета. Чтобы снизить силу возникающей тревожности. Все равно кроме старост, обходящих коридоры после отбоя, шансов встретить кого-либо почти не было. Гермиона, нервно постукивая пальцами по обложке учебника, то и дело бросала взгляд на Тревора. Тот перевернул страницу и, к счастью, закрыл книгу.

– Пожалуй, пора спать, – зевнул он, поднимаясь. – Удачи, Гермиона. Все-таки профессор Макгонагалл могла бы сделать тебе поблажку.

– Кто знает, а вдруг у нас и правда получится важное исследование, – ответила Гермиона, делая вид, что погружена в чтение. Едва Тревор скрылся в спальне мальчиков, она быстро вышла в коридор, прихватив с собой пергамент и ненужный учебник. Чувства тревоги еще не было, значит, она успевала.

Драко уже был в апартаментах: сидел за столом, слегка ссутулившись и подперев голову обеими руками и смотрел на лист бумаги перед собой. Пара верхних пуговиц на его рубашке была расстегнута и Гермиона невольно скользнула к его шее взглядом. И тут же почему-то смутилась.

– Учишься? – спросила она преувеличенно бодрым голосом. Драко даже не поднял головы.

– Угу. Учусь, – ответил он тоном «отстань». Гермиона пожала плечами.

Уйдя в спальню она прикрыла за собой дверь и вскоре Драко услышал приглушенный шум воды в ванной. Только тогда он позволил себе расслабиться и откинуться на спинку стула и прикрыть глаза. Собственно, он не был удивлен: ответ отца в письме был ровно таким, каким он и ожидал. На Драко возлагались определенные ожидания. А он умудрился вляпаться в совершенно идиотскую историю, которую никак не объяснить, если не хочешь расстроить отца и мать. А им, пожалуй, хватит переживаний. Желание прямо сейчас взять флакончик зудело под кожей: хорошо, что Гермиона заняла ванную. Гермиона. Гермиона, которая сразу после впечатляющего выступления Макгонагалл утащила Гарри и Рона в сторону и наверняка им все рассказала. А потом они перешептывались и улыбались на травологии. Конечно, это же Гарри и Рон. Как они могли не поддержать свою подружку? Интересно, как Рон отреагировал на то, что Драко и Гермиона будут ночевать рядом? Драко тряхнул головой. Да какая ему разница, что там думает этот рыжеволосый Уизли? А вот что продолжало колоть тонкой иголочкой, так это как легко Гермиона смогла поделиться своей дурацкой ситуацией с друзьями. Ни стыда, ни сомнений. Малфой же не рассказал никому: никто не должен был знать об этой двусмысленности. Малфой – под заклинанием призрака. Малфой опять облажался. Малфой – в соседней комнате с грязно…

– Хватит! – крикнул сам на себя Драко. – Хватит!

Бить кулаком по столу было не так эффективно, как отуплять себя зельем, но боль в костяшках тоже отвлекала от этих отвратительных мыслей.

– Драко! Стой! – Гермиона, одной рукой придерживающая края полотенца, обернутого вокруг себя, метнулась к Малфою. С волос капала вода и капли намочили рукав рубашки Драко, когда, поспешно заткнув край полотенца за другой, Гермиона перехватила его руку.

– Стой, пожалуйста, – почему-то почти шепотом сказала она. Зрачки ее расширились от испуга. И Драко остановился, чувствуя, как у него гудит голова.

– Что с тобой случилось? Я услышала крики, – Гермиона, не отдавая себе отчета, коснулась пальцами щеки Малфоя и это словно привело того в чувство.

– Я в порядке, – хмуро ответил он. – Ничего такого, что не пройдет.

Гермиона не отводила взгляда. По коже ее пошли мурашки и Драко, поднявшись, снял со спинки стула свою мантию и молча накинул Гермионе на плечи.

– Если ты закончила, я пойду, умоюсь, – надо было сделать шаг в сторону, но он так и остался стоять перед девушкой. Слегка отвернув лицо и смотря, как капельки воды стекают по изящным ключицам и прячутся за краем полотенца.

– Ты можешь мне рассказать, – все так же тихо сказала Гермиона. – Если хочешь. Я выслушаю.

– Зачем? – коротко сказал Драко. – Это мои дела и не твои проблемы.

Он все-таки перевел взгляд на Гермиону. Она взялась руками за края его мантии и поплотнее запахнула на себе: обычный жест показался Драко вдруг очень уютным.

Гермиона едва заметно нахмурилась.

– Малфой, мы, похоже застряли рядом друг с другом. Если случилось что-то, что хоть как-то может коснуться меня – в чем смысл скрывать? Твое настроение, твои проблемы, мое настроение, мои проблемы. Мы не сможем нормально прожить время до Святочного бала, если хотя бы не попробуем быть… честными. Я же не прошу выворачивать передо мной душу.

Драко поморщился. Прожить нормально они не смогут в любом случае. Сама ситуация изначально была исключительно ненормальной. Но в словах мисс Всезнайки-подружки-Поттера был определенный резон.

– Отец с матерью ждут меня в Малфой-Мэноре завтра, на обед. Приглашены гости, а я иду чем-то, вроде приманки. Наследник рода, который вовремя выбрал правильную сторону. Будущая версия Люциуса, которой предстоит взять все дела в свои руки. Я написал отцу, что сейчас огромное количество занятий в Хогвартсе и что Макгонагалл поручила мне участвовать в одном исследовании для школы. И что я бы хотел потратить эти выходные на то, чтобы показать блестящий результат, а не на то, чтобы присутствовать на обеде. Потому, что мне будет трудно найти время и на то, и на то. Отец ответил, что Малфои никогда не отступали перед трудностями и что моя задача – именно это показать присутствующим. А не, цитирую, «ублажать профессорат Хогвартса».

– Люциус Малфой не изменяет себе, – заметила Гермиона. Драко пожал плечами.

– Выживи или умри. Мы выжили. Нужно двигаться дальше. И мне в том числе.

Гермиона прошлась по комнате.

– Что будет, если ты все-таки не появишься в Малфой-Мэноре?

Драко провел рукой по волосам.

– Возможно, отец явится в Хогвартс, чтобы проверить, все ли у меня в порядке. Возможно, решит что я непростительно пренебрегаю обязанностями наследника Малфоев, которому предстоит встать во главе рода. Я не знаю. Я знаю, что я должен сделать. Но я прекрасно понимаю, что я не могу сейчас это выполнить.

– Да уж. Долг и чужие ожидания могут связать посильнее заклятия, – пробормотала Грейнджер и Драко удивленно взглянул на нее. Можно подумать, что Гермиона знает, что это такое, быть обязанным следовать тому пути, который за тебя давно выбран. И не сметь подвести и разочаровать.

– Раз тебе надо быть на обеде, мы должны придумать, как и мне туда попасть, – сказала Гермиона решительно. Драко недоверчиво посмотрел на нее.

– С чего бы тебе хотеть возвращаться в Малфой-Мэнор или помогать мне?

Гермиона закатила глаза.

– Попробуй подумать, Малфой. Мне важно, чтобы вся эта история с заклинанием не повисла на мне огромной, обрастающей нелепыми подробностями сплетней. Если тебе будет так проще понять меня: считай, что я бросаю сама себе вызов. Я хочу вернуться в твое родовое гнездо человеком, который победил страх. Человеком, над которым не властны кошмары. А еще я не хочу, чтобы твой отец узнал про заклинание и явился в Хогвартс. Прости за прямоту, Малфой, но я вообще никогда в жизни не хочу больше видеть твою семью.

В это Драко поверить был готов.

Гермиона плотнее запахнула на себе мантию.

– И, разумеется, я рассчитываю на то, что если помощь понадобится мне – ты ее окажешь, – добавила она.

– Вот это уже понятнее, – хмыкнул Драко. – Обыкновенная здоровая сделка. Но только чур стоять за деревом, пока вы целуетесь с Уизли, я не буду.

Гермиона вспыхнула, а Драко вдруг подумал, что она сейчас выглядит ужасно мило: стоит, кутается в его мантию, поджимает пальцы ног, щеки розовые от волнения, но такая убежденность в голосе и такая решительность. Вылези сейчас из камина какая-нибудь горгулья, она, наверное, и ее отчитает с такой же непоколебимой уверенностью. Камин… надо бы его растопить, а то совсем неуютно в комнате… Камин…

– Драко Малфой, если ты думаешь, что я…

– На короткие визиты в выходные я теперь использую каминную сеть, – перебил ее Драко. И Гермиона осеклась, потеряв нить разговора.

– В «Трех метлах» камин подсоединен к сети таверн, – пояснил Драко. – Таверна «Пятилистник» в Уилтоне находится совсем недалеко от Малфой-Мэнора. Мы сможем пройти в поместье, не привлекая особого внимания. Никто не зайдет в мою комнату и там ты сможешь оставаться в безопасности. Если обед будет проходить как обычно, в главном зале, то расстояние до моей комнаты достаточное, чтобы мы чувствовали просто легкую тревогу.

– А домовые эльфы? – Гермиона вспомнила про милого доброго Добби и это воспоминание болью прошило ее.

– Я наследник Малфоев. Если я прикажу молчать они будут молчать. Они почувствуют, что ты не желаешь зла мне или родителями. А прочее их не касается. Только пообещай, что не будешь проводить никаких агитаций и подбрасывать им мои носки, – неожиданно добавил Драко. Он оставался серьезным и только кончики его губ слегка дрогнули, едва заметный намек на улыбку, от которого у Гермионы почему-то потеплело на сердце.

– Обещаю, – честно сказала она. – Я пришла к выводу, что менять систему отношения к домовым эльфам надо менять изнутри. Возможно, через Министерство.

Драко приподнял брови, но промолчал.

– Сегодня я на диване, – добавила Гермиона. И сказано это было таким тоном, что Малфой понял, что возражать бесполезно.

– Кстати, а зелья, которые обещал сделать профессор Слизенорт, еще не готовы? – вспомнила девушка. Драко кивнул в сторону каминной полки.

– Вон те шесть флакончиков. Видимо, пробные порции.

– Надеюсь, сработают, – пробормотала девушка. Скрывшись в спальне и притворив за собой дверь, она переоделась, заплела волосы в быструю косу и, отряхнув мантию, аккуратно положила на кровать. Из гостиной донесся какой-то шум и Гермиона тут же потянулась за волшебной палочкой, лежавшей на прикроватной тумбочке. Отругав себя за излишнюю нервозность, она, все же не выпуская палочку из рук, выглянула из комнаты. Драко как раз закрывал окно, а в руках у него была небольшая зеленая коробка, перевязанная золотой лентой.

– Все в порядке, это просто сова из дома, – Малфой тут же заметил волшебную палочку и Гермиона поспешно спрятала ее в рукав.

– Посылка? – кивнула она на коробку. И тут же мысленно отругала себя. Разумеется, а что же еще?

Драко кивнул.

– От мамы. Она прекрасно знает, что я совсем не хочу завтра сидеть на этом глупом обеде. Прислала, так сказать, подсластить пилюлю.

Малфой развязал ленту, снял крышку и Гермиона увидела аккуратно переложенные тонкой бумагой шоколадные конфеты. Хотя Рон был большим сладкоежкой и Гермиона была уверена, что знает о мире сладкого очень и очень много, таких конфет она еще не видела.

– Хочешь попробовать? – Малфой неожиданно протянул к ней коробку. – Это из французской кондитерской, делают на заказ.

Теперь понятно, почему не видела.

Гермиона не стала отказываться. Взяла одну конфету и осторожно надкусила. Сладкий черешневый сок смешанный с шоколадом и легкой ноткой соли. Необычно. Вкусно. Сочно.

Конфета исчезла, словно ее и не было и Гермиона машинально облизала губы, сдержав разочарованный вздох. Ей показалось или Малфой быстро отвел взгляд?

– Если понравились, забирай, – предложил Драко и Гермиона едва заметно нахмурилась. Он что, решил, что она сладкого в жизни не ела? Малфой словно прочел ее и мысли и поставил коробку на стол.

– Грейнджер, это просто конфеты. Вкусные, да. Я их тоже люблю. Я просто делюсь ими. Хочешь ешь. Хочешь не ешь, – голос Драко звучал устало и Гермионе стало стыдно. Неприятно, наверное, когда твой самый невинный жест вежливости воспринимают как подвох.

– Спасибо, – она взяла еще одну конфету и Малфой тоже протянул руку к коробке. Черешневый сок окрасил губы в темно-красный и Гермиона подумала, что Драко очень идет этот контраст. Бледная кожа, светлые волосы и губы, словно он только что целовался. Девушка аж зажмурилась – какой бред, какая глупость, что ей лезет в голову!

– Ты чего? – удивился Драко. Гермиона открыла глаза, быстро соображая, что ответить.

– Прогоняю грустные мысли. Что ко мне никогда не прилетала сова.

Она почти не врала: раньше Гермионе действительно бывало грустно от того, что ее родители никогда не могли отправить ей посылку. Впрочем, Гарри был в том же положении.

– А я никогда не задумывался об этом, пока не понял, что родители могут угодить в Азкабан, – признался вдруг Драко. – Внезапно оказалось, что все эти годы мамины посылки и даже скупые на эмоции письма отца были мне важны. Я просто принимал это как должное. Как и многое… вокруг.

Малфой замолчал и отвернулся, глядя на огонь в камине. Обоим стало неловко, будто они не имели никакого права вот так стоять, есть конфеты и разговаривать.

Момент прервал осторожный стук в дверь и палочка снова оказалась в руках Грейнджер.

Драко хоть и был удивлен, что кто-то побеспокоил их, еще больше удивился реакции Гермионы. Словно их правда могла подстерегать опасность. Враг, вежливо предупредивший о своем появлении.

Гермиона насторожено смотрела, как Малфой открывает дверь, готовая в любой момент накинуть на них обоих защитные чары. Драко сделал шаг назад, пропуская… Гарри, Рона и Джинни.

– Что вам тут надо? – нахмурился он, скрещивая руки на груди.

– Повежливее, Малфой, мы пришли не к тебе, – тут же огрызнулся Рон.

– Какая досада, а я уж надеялся, – скривил рот Драко.

– Что вы тут делаете? – удивилась Гермиона. Джинни обняла ее.

– Просто решили ускользнуть после отбоя и проведать тебя, – девушка быстрым взглядом окинула гостиную, задержалась на полупустой коробке с конфетами и слегка приподняла брови.

– У тебя все в порядке? – Гарри спрашивал Гермиону, но смотрел прямо на Драко. Малфой ответил ему таким же прямым взглядом.

– Поттер, если ты на что-то намекаешь, так не мямли, а скажи прямо.

– Я не намекаю. Я предупреждаю, если… – начал было Гарри.

– Засунь себе свои предупреждения, – моментально отреагировал Драко.

– Ребята, давайте на минутку выйдем, – вмешалась Гермиона, хватая Рона за руку и первым вытаскивая из комнаты. Когда Гарри и Джинни вышли следом, Гермиона притворила дверь.

– Гермиона, как ты? – Рон с тревогой смотрел на девушку. – Сильно тебя достает хорек?

– Мы с Драко пытаемся научиться нормально взаимодействовать в этой странной ситуации. И грызня с ним этому вообще не поможет, – укоризненно сказала Гермиона.

– Ну прости, мы за тебя волновались, – примирительно ответила Джинни. Гермиона тихо вздохнула. Ей была очень приятна забота друзей, но ей не хотелось, чтобы их с Малфоем шаткое равновесие снова перешло во вражду.

– Спасибо. Но у меня правда все в порядке. Малфой… достаточно вежлив, – подобрала она формулировку. Гарри кинул взгляд на дверь.

– Ему же лучше, – это все еще звучало угрожающе и Гермиона потрепала друга по плечу.

– Есть кое-что, что мне нужно вам сказать, – набралась она смелости.

– Что случилось? – тут же встревожился Рон.

– Завтра я должна буду тайком попасть в Малфой-Мэнор. Люциус Малфой требует, чтобы Драко присутствовал на обеде с гостями, – выпалила Гермиона. Три пары глаз изумленно уставились на нее.

– Меньше дня рядом с Малфоем и она уже сошла с ума, – Рон приложил ладонь ко лбу Гермионы. Та убрала его руку.

– Подумайте сами, – Гермиона сама не понимала, их она хочет убедить или себя. – Если Драко вдруг резко начнет отказываться от обычных поездок на выходные и вообще, прятаться, Люиус и Нарцисса могут явиться сюда сами. А я не хочу их видеть. Я не хочу, чтобы они имели хоть какое-то отношение ко всей этой истории с заклинанием. Я просто отсижусь в комнате и все.

Гермиона переводила взгляд с Джинни на Рона, с Рона на Гарри и обратно. Выглядели они обескуражено.

– К тому же, мне это самой нужно, – тихо добавила она. – Я хочу… хочу доказать себе, что все, что случилось не властно надо мной. Что я могу зайти в Малфой-Мэнор не как жертва.

– Это я могу понять, – Гарри, наконец, отмер.

– Тогда мы пойдем все вместе, – сказал Рон. И Джинни кивнула, по ддерживая брата – редкий случай!

Гермиона замотала головой.

– Нет, нет. Как вы себе это представляете вообще?

– Легко и просто. Какая разница, Малфой тебя одну проведет в поместье или нас всех? – удивилась Джинни.

– Пожалуйста, мне и так сложно, – попросила Гермиона устало. – Я никогда не могла даже представить себе, что окажусь втянута в такую дурацкую историю.

Гарри вздохнул.

– Ладно. Тебе виднее. Но знай, если что – мы тут же придем. Все, что угодно, ты же знаешь?

– Знаю, – кивнула Гермиона. – Идите сюда!

Она сгребла друзей ближе, обнимая. А в это время Малфой, оттолкнув от себя коробку с конфетами, зашел в спальню. Ему было муторно и неприятно. То ли от того, что он позволил себе с Грейнджер невольную откровенность. То ли от того, что этот момент был нарушен. То

ли потому, что у Грейнджер нашлось трое друзей, ладно, двое друзей и парень, которые всерьез решили проверить, все ли в порядке с Гермионой. Если что, это, скорее, надо было бы Драко проверять. Не наслала ли на него разозлившаяся на что-нибудь Грейнджер какие-нибудь чары. Но проверять было некому. Не удивительно.

Закрыв за собой дверь в ванную, Драко прислонился к ней спиной и прислушался к ощущениям. Горло сжали нервные спазмы. Но сдаться им сегодня было словно проиграть и Поттеру, и Уизли. И Грейнджер. Пожалуй, сегодня успокоительное зелье подождет. Он справится сам, должен. Можно ли представить, чтобы Поттер вдруг разрыдался посреди разговора, просто потому что сердце снова стучит как сумасшедшее и кажется, будто вот-вот его откинет снова в прошлое, в неласковые объятия Волан-де-Морта? Скинув одежду, Малфой влез под струи душа и позволил горячей воде выбить из головы все мысли. Он стоял так долго-долго, пока ему не стало совсем жарко. А когда, наконец, он вышел в спальню, дверь в гостиную была прикрыта, свечи задуты, и лишь огонь в камине виднелся сквозь щель. Драко сел на кровать, обхватив голову руками. Проведя пальцами по щеке он вспомнил, как Гермиона перехватила его руку. Как он вообще посмел настолько потерять контроль над собой? Так опозориться? Впрочем, Грейнджер ведь не насмехалась над ним. Она… испугалась? Сочувствовала? Будто ему нужно ее сочувствие!

Драко забрался под одеяло и приказал себе выбросить из головы все мысли. Он в безопасности. Волан-де-Морт мертв. Заклинание так или иначе снимется. Никто ничего не узнает. Ничего страшнее, чем уже было, с ним не происходит.

Лежавшая на диване Гермиона прислушалась к сонному дыханию, еле слышно доносившемуся из-за приоткрытой двери. И, закрыв глаза, позволила себе не анализировать, почему лицо Малфоя снова и снова встает перед ней. Как и ее прикосновение к его щеке.

ГЛАВА 6

– В этом танце, мисс Грейнджер, партнеры ведут диалог языком тела. Вы же движетесь так, словно вот-вот выхватите волшебную палочку, – Почти Безголовый Ник недовольно смотрел на Гермиону. Та раздраженно сдунула со лба упавшую прядь.

– Я стараюсь, сэр Николас. Последний год, знаете ли, мне было не до танцев.

Призрак строго посмотрел на нее.

– Мисс Грейнджер, если вам нужны особые условия – предупреждайте сразу.

Делать скидку на Волан-де-Морта, войну и прочее Сэр Николас явно не сомневался. Может, и правильно.

– Мне не…– Гермиона сбилась с мысли, глядя на невозмутимо стоящего напротив Драко. Вот у него-то получалось, с ее точки зрения, и держать прямо спину, и плавно двигаться, и держать ритм. И пусть сам призрак Малфоем тоже был недоволен, впервые в жизни Гермиона поймала себя на мысли, что в воспитании старых, аристократических волшебных родов есть что-то неуловимо-недоступное остальным. Так впитавшееся в их сущность, что такое просто не скопировать.

– Ваша же задача рассказать друг другу через танец то, что вы не решились бы сказать словами, – продолжал распаляться Почти Безголовый Ник. И повернулся к Драко.

– Вы, мистер Малфой, зря так довольны собой. Ваши движения, безусловно, намного более изящны. Но я не вижу в них жизни!

– Какая может быть жизнь в обычном вальсе? – не сдержавшись, фыркнул Драко. Призрак тут же подлетел к нему вплотную и Малфой поежился: стало заметно холоднее и как-то… неуютнее.

– Такая, мистер Малфой, словно вы получили возможность оказаться близко к самой желанной девушке на свете, вот какая!

Малфой неожиданно смутился. Гермионе же и вовсе казалось, что неэтичность и неуместность реплик Почти Безголового Ника просто переходит все границы. Но спорить с призраком было бесполезно. Тот хлопнул в ладоши.

– Еще раз и сначала.

Со вздохом, Драко шагнул чуть ближе. Его теплая рука снова устроилась на лопатке Гермионы и та снова одеревенела, к вящему неудовольствию призрака. Гермиона сама не могла пояснить себе такой реакции: просто ей было… неловко.

– Хорошо, что репетиции раз в два дня, чтобы мы успевали с учебой, – простонал Драко, потирая поясницу. – Дай Почти Безголовому Нику волю, он бы с утра до ночи нас мучал.

– Тебя он хотя бы не называет деревянным, – вздохнула Гермиона. Они с Драко шли к выходу из подземелий. Приближалось время отбоя и навстречу им, к счастью, никто не попадался. – Тебя учили танцам?

– Меня много чему учили до поступления в Хогвартс, – уклончиво ответил Драко. – Предполагается, что в семьях, вроде моей, очень важное место отводится традициям.

– Может, надо было соглашаться на мамино предложение позаниматься в танцевальном кружке в детстве, – задумчиво протянула Гермиона. Драко скосил на нее глаза.

– Грейнджер, которая чего-то не умеет. Это даже забавно.

– Ха-ха-ха, – отозвалась Гермиона беззлобно. У выхода они остановились

– Тридцать минут, – напомнила Гермиона. – Если задержишься, я приду в подземелье.

– Если ты задержишься, приду торчать к портрету Полной Дамы, – без особого энтузиазма ответил Драко.

Гарри и Рон ждали Гермиону в гостиной. Кроме них там читала книгу Пэм и играл сам с собой в шахматы Оливер.

– Гермиона, как продвигается исследование? – вскочил на ноги Рон, косясь на Пэм и Оливера. Оливер был поглощен игрой. Пэм делала вид, что продолжает читать, но было очевидно, что она прислушивается к беседе.

– Всем привет, исследование продвигается трудно, я очень устала, – подыграла Гермиона. Гарри, поднявшись с кресла, протянул ей печенье, обернутое промасленной бумагой.

– На, подкрепись. Молли прислала с совой. С Драко совсем трудно?

Гермиона села напротив Гарри и Рона и с удовольствием откусила кусочек. Мягкое рассыпчатое печенье таяло во рту.

– Да не то, чтобы… Просто мы должны работать вместе, чтобы получилось что-то стоящее. А Драко пока больше интересует та часть, где все про чистокровных волшебников, – ложь далась Гермионе с трудом. Ей почему-то было неприятно говорить так о Малфое.

– А вы после занятий в библиотеке были? – Пэм отложила книгу в сторону. Оливер, сделав ход за противника, что-то довольно пробурчал и снова погрузился в раздумья. – Я там сегодня занималась, но вас не видела.

– Не все время, – пожала плечами Гермиона. – Мы должны отчитываться Макгонагалл. Кроме того, если честно, мне пока что трудно оставаться на одном месте постоянно. Я уроки-то с трудом высиживаю. Когда мы были вынуждены постоянно перемещаться, прячась от Волан-де-Морта… сама понимаешь. Не все привычки проходят быстро. Так что иногда мне нужно пройтись, побыть где-то одной, прийти в себя…

Гермиона поймала взгляд Гарри. В нем плясали чертики.

– Прости, я совсем не подумала, – протянула Пэм смущенно.

– Да все в порядке, всем надо привыкнуть к тому, что мы в безопасности, – «утешил» ее Рон. Пэм, благодарно кивнув, снова взяла книгу.

«Ну ты даешь», – беззвучно сказал Рон, округляя глаза. Гарри сделал вид, что зевает, пряча в ладонях улыбку.

– Как твое собрание любителей необычных сладостей? – светски осведомилась Гермиона, украдкой бросая взгляд на часы. Оставалось двадцать минут времени.

– Ой, очень увлекательно! – в этот раз Рон искренне подхватил беседу. – Представляешь, Уилл раскопал на чердаке коробку со старой коллекцией фигурок плотоядных растений.

– И такое бывает? – недоверчиво спросила Гермиона. Рон, сияя, кивнул. – Самое классное в том, что каждая фигурка имитирует поведение растения. Кусаешь одну и она щиплет тебя за язык. Кусаешь другую и она выплескивает крошечное количество разъедающего вещества.

– Жалко, что Уилл не нашел эту коробку, когда тут была Амбридж, – хмыкнул Гарри. – Угостили бы ее от души.

– Ничего, ее в Азкабане от души угощают дементоры, – зло сказал Рон. – Если я узнаю, что она там сдохла, клянусь Мерлином, попрошу у отца настоящего пива и выпью за здоровье дементоров.

– И я, – сказал вдруг Оливер, не отрывая взгляда от доски.

Гермиона снова посмотрела на часы и Гарри, поймав ее взгляд, потянулся.

– А не пора ли нам всем спать, – сказал он, нарочито зевнув. – Последнее время я что-то совсем выматываюсь.

– Да уж, – согласился Рон, тоже потягиваясь. Пэм перелистнула страницу.

– А мне так хорошо. Камин, уютный диван, интересная книга. Пожалуй, посижу еще немного, – ответила она, не отрывая взгляда от книги.

– У меня партия сложная, – Оливер двинул вперед фигуру.

– Можно посмотреть? – заинтересовался Гарри, подходя к доске. Рон переглянулся с Гермионой.

– Хочешь, я привезу еще печенья из Норы? – спросил он, кивая на сверток в руках Гермионы. Та достала еще печеньку.

– Очень хочу. Возьми, а то все съем, – положила она оставшееся печенье на стол.

– А хочешь, моя мама даст рецепт твоей? – Рон не первый раз подводил разговор к тому, чтобы родители Гермионы познакомились с его родными, но Гермиона каждый раз уклонялась от темы.

– Мама не очень любит печь, – Грейнджер снова кинула взгляд на часы. Пятнадцать минут. Чувство тревоги, смутная тоска и ощущение неправильности потихоньку поднимали голову, заставляя нервно почесывать пальцы и теребить край рубашки.

– Мои родители вообще хотели забрать меня из Хогвартса, – внезапно призналась Пэм. – Я еле их уговорила. Они очень боятся, что… снова что-то случится.

– Мои тоже. Помнишь, Гарри, они уговаривали нас подольше остаться в Норе? – спросил Рон поспешно. Гермиона понимала, почему он задал этот вопрос. У Гарри не было никого из родных, кто мог бы беспокоиться о нем. Больше никого. Хотя Молли и Артур действительно включили Гарри в члены своей семьи, Рон очень переживал за Гарри, когда вокруг начинали обсуждать, как чья семья отреагировала на события в Хогвартсе. Равно как и кто у кого погиб. Рон вообще не говорил о Фреде, словно не мог заставить себя. Джинни – да. Плакала на плече Гермионы, смеялась, рассказывая об их с Джорджем проделках, но Рон прочертил границу, переходить которую нельзя было даже Гермионе. Гарри – можно. Но Гарри было можно все, он потерял в этой войне больше всех и для Рона, кажется, стал человеком, чье право на любые вопросы и любые просьбы не подвергалось сомнению. К счастью, Гарри был человеком тактичным и благодарным достаточно для того, чтобы не лезть к Рону в душу без запроса. Сейчас, в ответ на слова Рона, Гарри улыбнулся.

– Да. Я честно не знаю, как бы я без вас всех и без Норы пережил те дни после войны. Когда Молли нам готовила какао, помните? Потому, что нас мучали кошмары. Или когда Артур меня до рассвета расспрашивал про всякие маггловские новости, а потом Молли его выгоняла с кухни метлой, которая летала за ним?

Рон и Гермиона рассмеялись. Эти воспоминания были теплыми, не смотря на все, что происходило вокруг. Не смотря на все потери.

– А мои родители, кажется, меня боятся, – Гермиона не хотела этого произносить. Во всем виноват был страх. Ощущение надвигающейся беды. Где Малфой? Где он, почему она не рядом с ним, почему не видит его, почему она должна сидеть здесь?!

Пять минут. Гермиона дернулась, порываясь вскочить и выбежать из гостиной, но Рон, заметив это, вдруг резко пересел к ней и обнял, крепко держа.

– Ты не говорила об этом, – сказал он.

Драко, Драко, Драко!

– Почему ты так думаешь? – Гарри отвлекся от шахматной доски и обеспокоенно посмотрел на девушку. Гермиону затрясло, ей хотелось отшвырнуть Рона в сторону. Невозможно было находиться вдали от Малфоя, ей казалось, что она задыхается. К счастью, ее поведение можно было списать на то, насколько ей трудно и больно отвечать про родителей. Пэм и Оливер сочувственно смотрели на нее.

– Эй, все в порядке, – легонько коснулась ее руки Пэм. – Хочешь воды?

Гермиона помотала головой. Дышать вдруг стало чуточку легче. Как волна отлива тревога уходила, становясь все слабее и слабее. На смену ей приходило чувство облегчения и покоя. Гермиона позволила себе расслабиться.

– Когда я вернула им память, они были в ужасе, как легко волшебники могут манипулировать людьми. Конечно, я пояснила им, что только чрезвычайная ситуация дала мне такое право. Что проделай я это в обычное время, я бы загремела в Азкабан. Что я сделала это чтобы защитить их. Но мне кажется, что они впервые задумались о том… насколько мы разные, – призналась Гермиона. Страх ушел полностью и она чуть подалась в сторону, освобождаясь от объятий Рона.

– Спасибо, – сказала она, чуть улыбнувшись. – Мне легче.

Рон и Гарри недоуменно смотрели на нее. Затем, поняв, Гарри легонько кивнул. Рону потребовалось больше времени, чтобы сообразить, почему Гермионе стало легче. Радости это понимание, судя по его лицу, ему не прибавило. Они просидели в гостиной еще минут двадцать. Наконец Оливер, закончив партию, собрался спать. И Пэм почти сразу тоже пожелала всем доброй ночи. У Гермионы даже возникло подозрение, что Пэм засиделась в гостиной вовсе не из-за интересной книги.

– Интересно, насколько Драко устал торчать у портрета Полной Дамы? – спросил Гарри. Рон скривился.

– А мне не очень.

– Я была очень рада немного провести с вами вечер, – Гермиона по очереди обняла Гарри и Рона. – Но я очень устала, хочу уже забраться в кровать и уснуть.

– Увидимся за завтраком, – попрощались ребята и Гермиона тихо выскользнула из гостиной. Малфой тенью отлепился от стены.

– Думал сдохну, пока до тебя добегу, – сказал он недовольно.

– Мне тоже не понравилось, – парировала Гермиона. И, помолчав, добавила:

– Хорошо, что ты добежал.

– Мне пришлось рассказать обо всем Забини. Иначе он не понял бы, почему я дергаюсь и готов заорать как мандрагора, – сказал Драко. – А я не хотел посвящать кого-либо в проблемы Малфоев. Все, что может быть использовано как болевая точка должно быть исключено, – тут Малфой скривил рот.

– И что сказал Блейз?

– Что ты не самый худший вариант, с которым меня могла столкнуть леди Утоленн, – Малфой скосил глаза на Гермиону. Та хмыкнула.

– Звучит почти как комплимент.

Впереди послышались шаги и знакомое ворчание, разносимое эхом по коридору. Гермиона остановилась.

– Филч, – шепнула она, отступая назад и озираясь. – Совсем не хочу с ним сейчас разбираться, – еле слышно добавила она. Драко, сориентировавшись первым, потянул ее в скрывающуюся в полумраке нишу между колоннами, в которой стояла высокая каменная скульптура. Места между скульптурой и стеной было совсем мало. Гермиона вжалась спиной в стену, а Драко, втянув живот и стараясь не дышать, оказался зажат между ней и статуей. Укрытие было ненадежным, стоило только повернуть голову и чуть приглядеться и без труда их разглядишь. К счастью, Филч был занят разговором со своей кошкой.

– Ну вот, миссис Норрис. Не знаю как вам, а мне этот обход ужасно надоел. Согласны?

Неизвестно, что ответила кошка, но шаги остановились.

– Давайте возьму вас на ручки. Вот так. Устали лапки?

Ответное мяуканье, видимо, было расценено как «да».

– Может, ей пора в кроватку? – шепнул Драко на ухо Гермионе и у той мурашки пошли по спине. Драко был горячий. Драко пах чистой тканью рубашки. Драко был высокий, голова Гермионы доставала ему до подбородка. И когда чуть наклонился, чтобы шепнуть, в какой-то миг ей показалось, что он хочет ее поцеловать. И от этого ноги у Гермионы стали совсем мягкие. Она закрыла глаза, потому что голова ее вдруг закружилась.

– Ну что, может в кроватку? – словно услышал Малфоя Филч. Миссис Норрис снова коротко мяукнула. Драко, пользуясь тем, что Гермиона закрыла глаза, медленно поднес палец ко рту и прикусил костяшку пальца, чтобы боль чуть-чуть отрезвила его. Когда он бежал к гостиной Гриффиндора ему совершенно очевидно было, что его гонит вперед заклинание. Чувство, что если сейчас ты не окажешься рядом, то случиться что-то непоправимое. Когда он оказался у портрета Полной Дамы пришло чувство покоя. А сейчас заклинание точно было не при чем. В его снова растущем волнении была виновата – какая нелепица! – Гермиона. Гермиона-с-теплой-кожей. Гермиона-с-длинными-ресницами. Пэнси, бывало, брала его под руку или сидела близко рядом. Пару раз и обниматься пыталась, но Драко и близко не испытывал того, что испытывал сейчас: желание уткнуться носом в ложбинку между ключицами, закрыть глаза и просто поверить в то, что что-то нормальное и хорошее может случиться в его жизни.

Разумеется, Малфой прекрасно знал, что такое физиология. Как и помнил, что впервые обратил внимание на то, какие у Гермионы длинные ресницы в день битвы. Никакого заклинания тогда не было. И в голову она ему тоже лезла без всякого заклинания. И этого просто быть не могло, потому что все годы до этого она была просто дурацкой подружкой Поттера. Умная. Иногда яростная. Иногда – страшная зануда. Лохматая заучка. Девушка в платье, стоящая на ступеньках лестницы на балу, хрупкая и такая… другая. Колдунья, смотрящая в лицо Воланде-Морту, готовая умереть вслед, как она думала, за своим другом.

Плохо. Плохо, плохо, плохо.

– Пойдемте, миссис Норрис, – шаги, наконец, стали удаляться и Драко, стиснув зубы, сделал два глубоких вдоха-выдоха и медленно вылез из ниши. К тому моменту как следом выбралась Гермиона, он уже успел надеть привычную маску равнодушного спокойствия. Гермиона же, казалось, вообще не обратила на щекотливость ситуации никакого внимания. Пригладив волосы и настороженно вглядевшись вперед, куда ушел Филч, она повернулась к Драко.

– У тебя отличная реакция. Честно, не думала, что у нас получится. Хорошо, что миссис Норрис выбрала кроватку, а не дальнейший обход, – Гермиона улыбнулась, вспомнив, как Филч любезничал с кошкой.

– Нам повезло.

Гермиона бросила короткий взгляд на Малфоя. Ее веселость уступила место серьезности.

– Да. Согласна, повезло. Что ж, пойдем быстрее.

Уже лежа в кровати, в безопасности темноты и в уютном коконе одеяла Гермиона позволила своим мыслям вернуться к прошедшему вечеру. А, точнее, к той пугающе-интимной ситуации в нише. Ей казалось, что сердце Драко билось чаще обычного. Ей почудилось, что еще немного и он потянется к ней еще ближе. Что происходит что-то особенное, странное, непостижимое, но… правильное. А потом она шагнула из ниши и увидела на лице Драко такое привычное выражение спокойного безразличия. Так что Гермиона быстро выровняла дыхание, сделав вид, что очень внимательно смотрит, ушел ли Филч и притворилась, что ничего необычного не случилось. А она только что сама себе придумала историю, которой и быть не могло. И хорошо, что не могло, ведь у нее есть Рон. По отношению к которому она ведет себя неприлично и просто мерзко. Даже допускать такие мысли было гадко и нечестно с ее стороны.

Драко перевернулся на другой бок, открыл глаза и вгляделся в темноту, подсвеченную угольками в камине. Это было ужасно глупо, но в какой-то момент там, в нише, ему показалось, что у Гермионы чаще бьется сердце. И что она совсем не против, что Драко почти вжимается в нее, а наоборот, готова… обнять его? Прижаться еще теснее? А потом он увидел, как она спокойна, словно ничего особенного не произошло. Она говорила с ним как ни в чем ни бывало, не отводила глаза, не смущалась. И в этом была вся Гермиона Грейнджер: умная, рациональная девушка, которая прекрасно понимала, что ничего особенного и не случилось. Только почему сейчас он никак не мог уснуть, ругая себя за совершенно неуместные, глупейшие мысли?

ГЛАВА 7

– Ты точно не против, если мы все расскажем родителям? – раз в третий спросила Джинни у Гермионы. Они и Гарри стояли у выхода из Хогвартса, дожидаясь, когда придет Рон, забывший в спальне шарф. Шарф был бы и не нужен – погода установилась неожиданно теплая и сухая. Но у Молли по вполне понятным причинам обострился инстинкт заботы и уровень переживания за детей. Так что в связанных ей шарфах были и Джинни, и Гарри. И не важно, что им предстояло просто дойти до Хогсмида и трансгрессировать оттуда через камин прямо в Нору: Артур и Молли подключили свой камин к камину в «Трех метлах».

– Точно не против. Не хочу, что бы думали, что я специально избегаю приезда, – Гермиона покосилась на Драко, стоявшего в отдалении, привалившись плечом к стене.

– Собираешься в Мэнор на выходные? – спросил кто-то из знакомых Малфоя, проходя мимо.

– Завтра, – бросил Драко в ответ.

– Передавай отцу привет от моего отца.

– Обязательно, – удивительно, но граничащая с хамством лаконичность Драко воспринималась слизеринцами как абсолютная норма.

– Еле нашел этот шарф, представляете, лежал под кроватью, – Рон быстро сбежал по лестнице. – Гермиона, ты точно тут без нас будешь в порядке?

– Буду оттаптывать Малфою ноги на репетиции, – улыбнулась Гермиона.

– Ты знаешь, что именно я имею ввиду, – Рон пристально смотрел на Гермиону. – Серьезно, мне не нравится, что мы уезжаем и бросаем тебя здесь. И эта глупейшая идея с помощью Малфою мне тоже не нравится.

– Рон, пожалуйста, мы же все обсудили, – попросила Гермиона мягко. – Тем более, ты сам знаешь: сейчас Молли и Артуру очень нужно, чтобы вы приезжали в Нору.

– Если что, сразу шли сову, – велел Гарри.

– Или патронуса, – добавила Джинни. Они с Гарри стояли, взявшись за руки. Гермиона заметила, как Гарри нежно поглаживает большим пальцем ладонь Джинни и отвела взгляд, будто подсмотрела что-то, что не должна была видеть. Они с Роном никогда не позволяли себе таких маленьких, нежных жестов по отношению друг к другу. Почему-то.

Гермиона заставила себя рассмеяться.

– Да вы меня словно не на два дня оставляете в школе, а на месяц в тылу врага! Давайте уже, идите и хорошо проведите время. И привезите мне печенья Молли!

Гарри первым обнял Гермиону, затем Рон, как-то смущенно клюнув ее в щеку, а последней, дождавшись, когда оба отойдут на пару шагов, Джинни.

– Если получится – стащи у Малфоев какой-нибудь полезный амулет, – подмигнула она, покосившись на Драко.

– Джинни!

– Шучу-шучу, – снова обняв подругу, Джинни догнала Гарри и Рона. Повернувшись, все трое помахали Гермионе руками и, наконец, вышли из замка.

– Вы так долго прощались, словно никто не собирается возвращаться в Хогвартс, – Малфой, наконец, отлепился от стены, когда Гермиона подошла к нему.

– Пойдем уже на репетицию, – вздохнула Гермиона. С куда большим удовольствием она бы сейчас просто полежала в кровати с книгой.

– Насчет завтра, – сказал Драко своим обычным отстраненным тоном, когда они уже подходили к подземельям. – Я уже предупредил обо всем Сору. Это домовой эльф Малфой-Мэнора. Она вроде как главная среди остальных домовых эльфов. Она встретит нас на подходе к Малфой-Мэнору и проводит через боковой вход для прислуги. Мать и отец будут заняты встречей гостей, так что им ты на глаза не попадешься.

– Как в дешевом романе, – хмыкнула Гермиона. Драко скосил на нее глаза.

– Я могу отправить отцу сову и сказать, что плохо себя чувствую.

– И он поймет, что ты врешь.

– Разумеется, – не стал возражать Малфой. Идущие им навстречу парочка учеников из Пуффендуя переглянулись и зашептались. Драко поморщился как от зубной боли.

– А представь, что про нас будут шептаться, если узнают, что мы ночуем вместе, – заметила его гримасу Гермиона. Драко пожал плечами.

– Мне плевать. Про меня всю жизнь что-то обсуждают за спиной.

– А мне вот надоело быть в центре внимания, – что-то в голосе Гермионы заставило Малфоя повернуть к ней голову.

– Ты должна была понимать, что будешь в центре внимания с того момента, как станешь другом Гарри Поттера.

Гермиона заправила за ухо выбившуюся прядь волос и Драко заметил, что у нее на пальце чернильное пятно. Аккуратные ногти, тонкое запястье и чернильное пятно – Грейнжер сидит в библиотеке, покусывая кончик пера, делает заметку, потягивается устало... Малфой моргнул, прогоняя непрошенную картинку в голове.

– Я никогда не просила этого внимания, для меня важна дружба, а не какие-то привилегии, которые она несет, – в тоне Гермионы звучало явное раздражение.

Надо было бы промолчать – какое, в сущности, ему дело – но Драко словно кто-то тянул за язык.

– Ты с первого курса постоянно тянула руку отвечать. Что не знала – зубрила к следующему уроку, хотя таких случаев я по пальцам могу пересчитать. При этом вы трое постоянно влипали в какие-то истории, каждый год. Вот Гермиона Грейнджер перечисляет все двадцать ингредиентов для зелья алфавитном порядке, а вот уже отрабатывает наказание в Запретном лесу. А потом где-то в тролльей заднице ищет крестражи и стоит в передних рядах на обороне Хогвартса. А, да, забыл, что тролль тоже был, еще на первом курсе, – Малфой театрально развел руками. – Так что ты всегда была в центре внимания, Грейнджер. И все всегда знали, что ты отходишь от правил только тогда, когда дело касается безопасности твоих друзей. Мерлин, да даже среди слизеринцев-первокурсников ходит присказка «точнее Гермионы»!

– И что это значит? – удивленная Гермиона аж остановилась.

– Это значит, что дело сделано идеально. Лучше уже просто невозможно.

Драко казалось, что это должно было бы польстить Грейнджер, но она выглядела скорее расстроенной. Впрочем, лезть в душу с расспросами Малфой точно не собирался. И так вместо того, чтобы просто молча дойти до Бального зала он опять увяз в глупой болтовне. Им оставалось пройти буквально несколько шагов, когда мир вокруг вдруг дрогнул. Тени от факелов на стенах вытянулись, коридор подземелья удлинился, уходя куда-то в бесконечность, а воздух стал заметно холоднее и сырее. Впереди, из неоткуда, появились фигуры двух людей, быстро уходящих вдаль. Черная мантия развивалась за спиной одного из них, словно стремясь догнать его.

– Ты это тоже видишь? – тихо спросил Драко. Волшебная палочка в его руках оказалась секунд на пять позже, чем в руках Гермионы. Та уже стояла в боевой стойке: напряженная, собранная и Малфой с внезапной кристальной ясностью понял, насколько по-разному они провели год перед решающей битвой. Он жил в удушающем безнадежном ужасе от осознания того, в какую ловушку попала вся семья. Возможно, он осознал это даже раньше Люциуса и Нарциссы, просто какое-то время старательно гнал этот страх от себя. Гермиона, Рон и Гарри – выживали, готовые сражаться каждую секунду. Рефлексы никуда не исчезают просто так. Снова едва заметная рябь и воздух потеплел, тени стали нормальными, а коридор – самым обычным. Пальцы Грейнджер едва заметно подрагивали, когда она медленно опускала палочку.

– Что. Это. Было, – втягивая воздух сквозь зубы после каждого слова спросила она. Малфой спрятал палочку за пояс брюк.

– Не знаю.

– Надо срочно идти к Макгонагалл! – вот теперь Гермиона дрожала всем телом. Драко перехватил ее, готовую бежать обратно из подземелья, за руку.

– Грейнджер, выдохни сначала, – сказал он, нахмурившись. Это снова была та Гермиона на поле боя и в то же время не она. Та Гермиона боялась, но была полна решимости. Эта Гермиона была готова к бою, но отчаянно боялась, что он действительно случится.

– Пусти! – зрачки Гермионы, казалось, заполнили собой всю радужку.

– Гермиона! – Драко резко дернул ее к себе и, не дав возможности вырваться, крепко держал за запястья.

– Дыши. Это Хогвартс. Тут много странного. Война закончилась. Волан-де-Морт мертв.

Гермиона стояла почти вплотную к нему, продолжая крепко стискивать волшебную палочку. Драко чувствовал как бешено колотится ее сердце и прекрасно понимал, что с ней происходит. Он и сам столько раз просыпался от кошмара, с таким же колотящимся сердцем. Наверное, как многие из них. Разница была в интенсивности кошмаров и тем, что стояло у их истоков.

– Прости, – теперь голос Гермионы был спокоен и тверд. Драко сделал пару шагов назад. Девушка убрала волшебную палочку и немного нервным движением пригладила волосы.

– Я должна была сразу верно оценить, что никакой угрозы не исходило. Мы просто увидели… что-то, в чем нужно разобраться.

Малфой прищурился. Ну конечно. Отличница и умница Грейнджер должна всегда все делать правильно и держать все под контролем.

– Ты принимаешь какие-нибудь успокаивающие зелья? – спросил он. Гермиона покачала головой.

– Мне нравится, когда мой ум работает на полную мощность. Подобные зелья слегка… отупляют. А ты? – спросила она вдруг в ответ. Малфой поморщился.

– Малфои умеют управлять своими эмоциями. Если ты зависим от зелий, чтобы контролировать свои реакции, значит, ты слаб. А на слабостях всегда можно сыграть.

Тут Драко вдруг широко ухмыльнулся.

– Но это не мешало мне таскаться к мадам Помфри и жрать эти зелья флаконами с того момента, как мне было поручено убить Дамблдора.

Из стены, шагах в двадцати от Гермионы и Малфоя, выплыл Почти Безголовый Ник. Он выглядел недовольным.

– Опаздывать на репетиции – дурной тон! – отчеканил он, подплывая ближе. Гермиона вздохнула.

– Простите нас, сэр Николас. Просто только что мы с Малфоем стали свидетелями чего-то очень странного. Коридор вдруг изменился, температура воздуха упала и мы видели двух людей, возникших из неоткуда. Потом все пришло в норму.

Призрака эта новость ничуть не обеспокоила и не удивила.

– И что такого в Потустороне вас так удивило? Идемте же, репетиция не ждет!

– Потусторона? Что это? – Малфой не двинулся с места. Почти Безголовый Ник раздраженно повел плечом.

– Потустороной мы называем наш мир. Призрачный, – сказал он таким тоном, будто бы это было очевидным.

– Ваш? – Гермиона лихорадочно вспоминала все, что когда-либо читала об истории Хогвартса и призраках. Она хорошо помнила раздел в учебнике, который изучила от корки до корки после первой встречи с Почти Безголовым Ником. Но ничего о Потустороне там не было.

– Вы же думаете, что мы все время находимся в этом мире? Какая человекоцентричность! – слегка обиженно протянул призрак. – До того момента, как душа решит уйти навсегда, она находится в Потустороне. Это немного искаженное отражение реального мира, в котором, правда, случаются иногда разные сбои. Призракам они не опасны, мы воспринимаем их скорее как развлечение. Людям – иногда, тем более, что магия волшебников здесь не работает. Но люди почти никогда не попадают в Потусторону.

– А как мы в нее тогда попали? – спросил Драко. Сэр Николас развел руками.

– Полагаю, точно так же, как умудрились попасть под заклинание леди Утоленн. Возможно его вообще оказалось достаточно, чтобы для вас граница между мирами на несколько мгновений размылась. А теперь идемте! Не произошло ничего, что мешало бы нам, наконец, начать репетицию! – нетерпеливо поторопил их Почти Безголовый Ник.

– Надеюсь, сегодня вы, наконец, изобразите мне хоть что-то, кроме деревянных движений. Вальс это искренность, нежность, умение слышать друг друга. Чистые эмоции!

– А нельзя просто выйти, станцевать и забыть про это? – уточнил Малфой. – Это просто Святочный бал. Всем плевать, какие там у нас будут эмоции.

От негодования сэр Николас аж засветился.

– Это БАЛ! И я не хочу, чтобы за моей спиной призраки судачили, что мои ученики двигаются как куклы! Станцуйте хоть пару кругов так, чтобы я увидел, что вы слышите друг друга.

– Увидел, услышал, – еле слышно проворчал Малфой, становясь напротив Гермионы. Он взял ее руку в свою, а вторую аккуратно положил ей на лопатку. Ладонь Драко была горячая и твердая и Гермиона едва заметно вздрогнула, таким интимным вдруг показалось ей это прикосновение. Девушка положила руку на середину плеча Малфоя, чувствуя неожиданно крепкие мускулы под пальцами. Призрак облетел их по кругу.

– Мистер Малфой, постарайтесь выглядеть уверенно-расслабленно, а не так, словно вы проглотили палку и она вам мешает. Мисс Грейнджер, конечно, в вальсе держатся на определенном расстоянии друг от друга, но, все же, сделайте шаг вперед. И смотрите в лицо мистеру Малфою, а не в сторону. Ваша задача чувствовать друг друга. Доверять друг другу. И двигаться вместе.

– Вообще-то в вальсе как раз нет никакой необходимости пялиться друг на друга, если не хочется, – скучным голосом сказал Драко. И Почти Безголовый Ник тут же качнулся к нему так близко, словно хотел пройти сквозь Малфоя.

– Я знаю, молодой человек. Но мне нужно, чтобы вы перестали держаться друг с другом так, словно боитесь коснуться друг друга. Я хочу идеальное взаимопонимание, чтобы глядя на вас все чувствовали искру и завидовали! Если бы я хотел скучных, заученных движений я бы кинул в вас книгой с картинками, чтобы вы учились сами! Так что танцуйте и смотрите друг на друга!

Рассерженный призрак взмыл под потолок и хлопнул в ладоши. Пламя свечей в подсвечниках разгорелось ярче, холодным, отсвечивающим голубым пламенем. Тени втянулись ближе к стенам. Полуистлевшие гобелены вдруг снова обрели краски и вернули свой первоначальный вид. Еле слышно зазвучала музыка. Или, скорее, эхо от музыки. Что-то незнакомое, нежное, глубокое. Будто где-то под толщей воды играли скрипки.

– Давайте, покажите мне, наконец, хоть что-нибудь, – проворчал Почти Безголовый Ник.

– Могу показать тебе фигу, – одними губами прошептал Малфой, но возражать призраку дальше все-таки не стал. Гермиона заставила себя посмотреть Драко в глаза.

«Это просто танец. Это Драко Малфой. Человек, изводивший тебя, Гарри и Рона несколько лет», – повторила девушка про себя. «Посмотри, ему вообще все равно. Он так же спокоен, так же равнодушен как почти всегда».

Гермионе всегда казалось, что у Драко серые глаза. Но теперь, вглядевшись, она поняла, что они, скорее, серо-синие. Серо-синие с неожиданно длинными ресницами. Драко смотрел на нее без какой-либо толики смущения, хотя, на какой-то миг, Гермионе показалось, что во взгляде Драко мелькнула растерянность. Гермиона, кляня себя за слабость, все-таки перевела взгляд за плечо Малфоя. Так она могла видеть хотя бы кусочек окружающего пространства и чувствовать себя немного увереннее. Контролировать, что никого постороннего не появилось рядом с ними.

Находиться так близко к Малфою, переплетать с ним пальцы, чувствовать тепло его тела – все это было слишком. Когда Гермиона обнимала Гарри, она чувствовала огромную любовь, зная, что обрела друга и брата. Когда она обнимала Рона, то чувствовала огромную нежность, от которой заходилось сердце. Вчера, в нише, и сейчас, в танце, Гермиона чувствовала, словно через ее позвоночник проходит ток. И этот ток заставляет ее кровь течь быстрее и ощущать все ярче, ожидая чего-то еще. Чего-то пока непонятного. Не похожего на все ее прошлые эмоции.

Гермиона не подозревала, что в эти самые мгновения Драко как заклинание повторяет про себя «это всего лишь Грейнджер, всего лишь Грейнджер». В прошлый раз он был сосредоточен на том, чтобы показать себя хорошо. Продемонстрировать, что для него, Малфоя, вся эта репетиция, вся эта затея – ерунда. Трата времени, не больше. В этот раз его неожиданной задачей стало не потеряться в темно-карих глазах Гермионы. Драко знал, что использовать легилименцию проще, когда взгляды читающего и читаемого совпадают. Также он был знаком с маггловским выражением «глаза это зеркало души», вполне возможно, являющимся отголоском из волшебного мира и описывающим как раз процесс легилименции. Когда Волан-де-Морт читал Драко, тот не испытывал ничего, кроме тошнотворного ужаса. Сейчас же перед ним словно открылся целый мир. В котором прятались невыраженные страхи и скованная нежность, неуверенность и смелость, сомнение, усталость и множество не рассказанных историй. Малфою стоило большой выдержки сохранять невозмутимое выражение лица. И не показать разочарования, когда Гермиона отвела глаза в сторону. Они синхронно шагнули, еще шаг, еще. Драко чувствовал, как напряжена Гермиона. Ее пальцы словно окаменели в его руке, а шаги стали сбиваться.

– Мисс Грейнджер, ну неужели так сложно просто смотреть на мистера Малфоя, – призрак снова подлетел ближе. – Разве я много прошу?!

– Много! – Гермиона остановилась и вырвала руку из руки Малфоя. – Много! Вы не понимаете, я должна. Я должна видеть, что вокруг меня. Я должна контролировать, что вокруг нас! Если что-то пойдет не так!

Щеки Гермионы раскраснелись, она часто дышала и прислонила руку к груди, чтобы выровнять дыхание. Драко, чуть нахмурившись, следил за ней. Почти Безголовый Ник окинул Гермиону неожиданно сочувствующим взглядом.

– Мисс Грейнджер. В этом зале и рядом со мной вам ничего не угрожает. Да, не все призраки Хогвартса могут похвастаться добродушием. Но могу уверить вас и мистера Малфоя, что намеренно никто не причинит вам вреда.

– А ненамеренно? – приподнял бровь Драко. Почти Безголовый Ник едва заметно поморщился.

– Не думаю, что они рискнут. Есть строгие правила о том, как вести себя с живыми, если они окажутся в Потустороне, да и в целом как вести себя. И последнее время за их соблюдением следят намного тщательнее.

– Почему? – тут же спросила Гермиона, но призрак проигнорировал ее вопрос.

– Еще раз, постарайтесь хотя бы сделать вид, что вы наслаждаетесь танцем, – велел призрак и Малфой с Гермионой со вздохом снова встали друг напротив друга.

Когда они вернулись в апартаменты, спина у обоих болела от напряжения.

– Клянусь, будь он живым, он бы бил нас по лопаткам, – простонала Гермиона. – «Грейнджер, прекратите так сутулиться. Малфой, надо вести, а не тянуть за собой». А еще мы пропустили обед.

Гермиона без сил опустилась на диван. Драко облокотился на край стола и Гермиона бездумно уставилась на его длинные пальцы и широкую ладонь.

– Но в Хогвартсе есть домовые эльфы, – сказал он, поворачивая голову и девушка поспешно перевела взгляд на его лицо.

– И что? – непонимающе спросила она. Малфой вздохнул.

– Ты знаешь хотя бы одного по имени?

– Поппита, Шнори, Ноки, – начала перечислять Гермиона, которая, конечно же, знала имена всех домовых эльфов Хогвартса. Малфой приподнял бровь.

– Я просил всего лишь одно, Грейнджер, – с легкой усмешкой сказал он. И хлопнул в ладоши.

– Шнори! Мне срочно надо передать послание директору Макгонагалл, – громко сказал он. Спустя несколько секунд напротив Драко появился не очень довольный эльф, обмотанный куском простыни на манер тоги.

– Директор Макгонагалл принимает учеников в своем кабинете, – скрипучим голосом сказал Шнори. – А по уставу Хогвартса ученикам запрещено использовать домовых эльфов Хогвартса в личных целях.

– И все же ты здесь, – на лице Малфоя появилось на редкость высокомерное выражение. Кажется, оно произвело на эльфа впечатление, потому что его уши слегка прижались.

– Учитывая сложное эмоциональное состояние многих учеников, директор велела приглядывать… сэр Малфой, – нехотя признался домовик. Драко продолжал сверлить Шнори взглядом, пока уши домовика не прижались к голове еще сильнее. В эту минуту в Гермионе боролись две эмоции: желание защитить Шнори, который, впрочем, в защите не нуждался и вряд ли бы ее понял. И невольное любование. Если раньше Малфой был капризным мальчишкой, которого прикрывали статус и отец, то теперь он стал – врать самой себе не было смысла – красивым юношей, которому эта проклятая самоуверенность очень шла.

Отвратительно Грейнджер, как ты можешь?!

– Мы с мисс Грейнджер пропустили обед, потому что выполняли прямое поручение директора, – сказал Драко таким тоном, словно они с Гермионой только что вернулись с опас-

ной и очень тайной миссии. – Возможно, директор Макгонагалл сделает для нас исключение. Не думаю, что упавшие в голодный обморок в коридоре ученики Слизерина и Гриффиндора входят в ее планы.

Домовой эльф несколько секунд молчал.

– Шнори узнает у директора, – сдался он и трансгрессировал.

– Откуда ты знаешь, что Макгонагалл внесла изменения в устав Хогвартса? Даже я этого не знала, – удивленно посмотрела на Драко Гермиона. Тот вернул ей удивленный взгляд.

– Мерлинова борода, Грейнджер, я понятия не имел, что в уставе школы вообще что-то есть про домовых эльфов Хогвартса, мне никогда ничего не нужно было от них. Я решил, что так проще, чем бегать по замку друг с дружкой на привязи и искать Макгонагалл.

С легким хлопком трансгресии Шнори снова появился в комнате.

– Директор Макгонагалл распорядилась покормить вас…здесь. Шнори будет накрывать на стол, если сэр Малфой и мисс Грейнджер пропустят прием пищи. Но только в этом случае, директор сказала это подчеркнуть.

– Конечно, спасибо огромное! – воскликнула Гермиона. Шнори, ничего не ответив, исчез.

– Почему я «мисс», а ты «сэр», а не «мистер»? – пришло вдруг в голову Гермионе. Малфой взглянул на нее из-под упавшей на глаза челки и привычным движением зачесал ее рукой назад.

– Потому, что я сэр Малфой. Среди моих предков был, в том числе, и барон, – слегка снисходительно пояснил он.

– О… – Гермиона подумала, что сама могла бы догадаться. – Но все учителя зовут тебя «мистер».

Драко фыркнул.

– Да потому, что учителям плевать, кто там был в предках у сопляка со Слизерина. А некоторым и на то, кто был в предках у моего отца. Слышала бы ты Снейпа, когда он бывал у нас. Он вообще не утруждался говорить ни «сэр», ни «мистер». Только буравил отца взглядом так, что даже ему становилось не по себе. А это, поверь мне, огромная редкость.

Гермиона хотела было спросить Малфоя, каким Снейп был вне стен школы, но потом сообразила, по какому поводу и на каких собраниях Снейп мог бывать в Малфой-мэноре и решила промолчать.

Через несколько минут Драко и Гермиона уже снимали сохраняющие тепло серебряные крышки с широких тарелок, на которых лежали печеный картофель, ростбиф и салат. Шнори также принес столовые приборы, какао и несколько булочек. Как-то не сговариваясь Гермиона и Драко устроились на полу, друг напротив друга. Драко сел, скрестив ноги, края его брюк слегка задрались и Гермиона постоянно цеплялась взглядом за полоску белой кожи. Теперь, когда у нее вынужденно было достаточно времени, чтобы наблюдать за Драко, она не могла не отметить, что и тщательность в выборе одежды, и манеры Малфоя в лучшую сторону отличались от манер большинства. Он аккуратно ел, не размазывал еду по тарелке, не капал на себя соусом, не говорил с набитым ртом и для чистоплотной, щепетильной Гермионы это оказалось очень приятным открытием. Некстати вспомнился Рон, любящий смеяться с едой за щекой и Гермиона тут же мысленно себя одернула. Этот самый Рон помогал ей мыть донельзя грязную голову в ручье, когда никакие очищающие заклинания уже не помогали. Это он и Гарри не морщились, деля с ней палатку, когда все трое по нескольку дней не могли нормально привести себя в порядок, находясь в бегах. Стал бы так возиться с ней Драко Малфой, наверняка спящий дома на белье, которое дороже всего гардероба Гермионы?

Драко, не подозревавший о том, что сидящая всего в метре от него Грейнджер ругает себя во все корки, положил вилку и нож на тарелку, промокнул рот салфеткой и отодвинул тарелку от себя. Гермиона отзеркалила его движения и взяла чашку с какао.

– Кстати, о Малфой-Мэноре и завтрашнем обеде, – сказал вдруг Драко, тоже делая глоток какао и морщась. Он все-таки предпочитал хороший чай.

– Наш домовой эльф, Сора, как я уже сказал, встретит нас. И с собой она принесет что-нибудь из одежды мамы, – кажется, Драко было неловко это говорить. – И накидку с капюшоном.

– Зачем? – непонимающе нахмурилась Гермиона. Драко сделал еще глоток.

– Если Сора пройдет по коридорам Малфой-Мэнора с леди, которая просто скрывает лицо, и ее случайно встретят решившие осмотреть особняк гости, никто не задаст вопросов ни матери, ни отцу. Это не принято. Но если увидят человека в маггловской одежде…

– Я поняла. Логично. Все нормально, – кивнула Гермиона. – Послушай, а как ты вообще отправил сообщения своему домовому эльфу?

Драко обхватил чашку обеими руками, словно отгораживаясь ей от Гермионы.

– Чем старше род, тем больше у него есть… возможностей, – неохотно ответил он. – Есть родовые заклинания. Домовой эльф Малфой-Мэнора не сможет трансгрессировать сюда, разумеется. Но я могу передать приказ.

– Прости, я не хотела выведывать секреты Малфоев, – подняла руки Гермиона. Малфой кивнул.

– Расскажи мне тогда об особняке. Он красивый? – Гермиона, устав сидеть, легла на бок, подперев голову рукой. Драко задумчиво посмотрел на нее.

– Красивый? Наверное. Я бы сказал, что его задача оглушить гостя еще на подъездной дорожке. Чтобы гость ощутил все великолепие и богатство рода Малфоев, – губы Драко скривила едва заметная усмешка. – В нем много бесценных артефактов и просто дорогих старинных вещей. На мой вкус – слишком много. Но это мой дом. А еще у Малфой-Мэнора огромный сад. Моя мама лично за ним следит, – Гермиона заметила, что при упоминании Нарциссы лицо Драко расслабилось.

– Там много цветов? – тихо спросила Грейнджер, завороженная тем, как черты лица Драко теряют остроту и напряженность. Драко, помедлив, отставил кружку и позволил себе облокотиться на спинку дивана.

– Очень. Больше всего, конечно же, нарциссов. Первым подарком, который отец сделал матери еще в период ухаживания были луковицы какого-то редкого сорта. С тех пор он постоянно дарит их маме. Иногда самые обычные сорта, но огромные букеты. А иногда она находит небольшую корзинку луковиц, но с редкими, новыми сортами. Это их традиция.

– А что дарят по традиции тебе? – спросила Гермиона, вспоминая обязательные Рождественские свитера Молли. Драко едва заметно пожал плечами.

– Ничего выдающегося. Коллекционные статуэтки драконов и змей. Аксессуары с их символикой. Разное.

– Коллекционные статуэтки это «ничего выдающегося»? Боюсь представить, что же тогда для тебя «выдающееся», – подначила Малфоя девушка. Тот на легкую подколку отреагировал спокойной правдой:

– Я равнодушен и к драконам, и к змеям.

– И что же ты любишь? Моя слабость – красивые блокноты для записей и старые книги, – Гермионе действительно было любопытно. В окно уже вползали сумерки, огонь в камине горел так тепло и уютно, а их разговор тек легко и непринужденно – Грейнджер никогда бы не подумала, что с Малфоем это вообще возможно. Может быть, дело было в неожиданной откровенности Драко? Вот только что стояло за ней: безразличие, потому что эти вопросы ничего не значат или искренность?

Драко прикрыл глаза.

– Яблочный пирог, который печет мама. Она делает его сама, без всякой магии. И только для меня.

– Молли печет очень вкусное печенье. Хочешь, угощу тебя в следующий раз? – спросила Гермиона. Драко резко открыл глаза.

– Нет.

Расслабленность исчезла с его лица, он снова весь подобрался и словно отгородился от Гермионы. И хотя она не могла понять, как простой вопрос мог вызвать такую реакцию, задавать вопросы дальше она не стала.

– Займусь эссе по чарам на понедельник, как раз хватит времени до ужина, – сказала она, поднимаясь. – Тебе нужен стол? Можем поделить место пополам.

Драко, тоже поднявшись на ноги, покачал головой.

– Нет. Я уже с ним закончил. Почитаю параграф по зельеварению в кровати.

Прикрыв за собой дверь в спальню, Малфой зашел в ванную и, защелкнув замок, подошел к зеркалу. В отражении был юноша с очень уставшими глазами.

– Зачем я разрешил втягивать себя в эти задушевные разговоры, – пробормотал он, включая воду, чтобы умыться. – ЖАБА в конце учебного года и мы разойдемся в разные стороны, навсегда.

Драко прислонился лбом к зеркалу. Малфои не заводят друзей, Малфои заводят сторонников. Сосредоточься, Драко. Это просто Гермиона Грейнджер. Любопытная мисс-я-всезнаю, с запредельной тягой к справедливости и сочувствию. Всезнайка с глазами, в которых пряталась целая вселенная. Заучка, зачем-то рассказывающая ненужные детали о своей жизни. Да какая разница, что она любит?! Зачем ей знать, что любит он, предлагать эти печеньки от Молли Уизли, словно они какие-то близкие друзья! Пальцы Малфоя дрожали. Сердце колотилось как сумасшедшее. Ему снова казалось, что опасность, вот-вот схватит его за шкирку, к горлу снова подкатил комок, а к глазам - слезы. Протянув руку к ящику в тумбочке, он снял защитное заклинание и вытащил спрятанный сверток с успокоительным зельем. Слишком много эмоций. Малфой размяк. Малфой отклонился от цели. Нужно вернуть себе хладнокровие и контроль.

Несколько глотков и Драко осел на пол, задыхаясь от омерзения к себе. Вот он, гордость и наследник рода Малфоев, увидел бы кто.

Глава 8

Остаток вечера Гермиона и Драко почти не общались друг с другом, не считая пары реплик по дороге на ужин и обратно и вежливого пожелания доброй ночи друг другу. Это не было ссорой, нет. Просто Драко по какой-то причине замкнулся в себе, а Гермиона не видела ни одной причины лезть к нему с расспросами. Зато у ее мозга было несколько причин, чтобы не давать уснуть. Лежа на диване и вглядываясь в отблески пламени, пляшущие на потолке, Гермиона позволила себе, наконец, расслабить поясницу. Ее мысли это ее мысли, Драко о них не узнает. Никто не узнает… потому что Волан-де-Морт мертв и потому что нет никого, кто имел бы право сейчас применить к ней легилименцию. Интересно, что сказал бы Люциус Малфой, узнав, что она думает о горячих ладонях и пальцах его сына? Что сказала бы Нарцисса Малфой, узнав, что их короткая беседа по-настоящему увлекла Гермиону? Что ей правда было интересно узнать, чем живет Драко Малфой? Этот новый, родившийся из пепла войны Драко?

Гермиона стиснула зубы.

Разумеется, она должна была лучше узнать человека, с которым, волей потусторонней магии оказалась связана. И Почти Безголовый Ник прав, они не смогут показать хороший танец, если не будут слушать и слышать друг друга. А это нужно. Нужно, чтобы все поверили, что всем известные ученики с факультетов Слизерин и Гриффиндор нашли общий язык. Минерва Макгонагалл не была наивной, нет. Чем больше Гермиона размышляла, тем больше она понимала, зачем была нужна вся эта затея со Святочным балом и их с Драко танцем. Людям нужен повод не только обижаться и не любить. Но и повод, чтобы перестать обижаться и признаться, что не испытываешь той неприязни, которая была привычна и считалась нормой. Они с Малфоем должны были стать таким поводом. Символом, за который можно зацепиться с видимой неохотой, в видимым одолжением. Ну раз уж вы настаиваете… С кого-то, с чего-то должны начаться изменения, иначе однажды придет новый Волан-де-Морт. Эти мысли были тягучими, мучительными, выматывающими и Гермиона вся извертелась на поскрипывающем диване.

– Грейнджер, дать тебе зелье сна без сновидений? – недовольно спросил Малфой, появляясь на пороге спальни. Гермиона села, подтянув сползшую пижамную футболку обратно на плечо: это была футболка Гарри, которую он отдал ей в то время, когда они были в бегах. Однажды им пришлось поспешно скрываться и Гермиона не успела взять часть своих вещей. Их и так было немного и девушка тогда горевала так, словно потеряла что-то очень важное. Понятно, что это был лишь повод выплеснуть накопившиеся страх и усталость. У Рона самого была одна запасная рубашка, а вот Гарри был счастливым обладателем аж двух запасных футболок. Одну он и отдал Гермионе. И она часто засыпала в ней, потому что… так было спокойнее. Глупо, наверное.

– Нет. Прости, не знала, что мешаю тебе уснуть. Просто мысли не дают покоя.

– Понятно, – Драко повернулся, чтобы уйти обратно в кровать.

– Ты не думал, что если на самом деле, по-настоящему, ничего не изменится, то однажды придет кто-то, похожий на Волан-де-Морта? С новыми идеями, не важно, насчет магглов или волшебников? – выпалила ему в спину девушка. Драко на пару секунд замер.

– Думал, – коротко ответил он. Едва слышно скрипнула кровать, когда Малфой лег в нее и наступила тишина. Гермиона со вздохом откинулась на свою подушку. У Драко, отпечатавшегося на сетчатке ее глаз, были слегка взлохмаченные волосы, красиво очерченные мышцы пресса, которые прекрасно удалось разглядеть в свете огня в камине, широкие плечи и крепкие бедра. Гермиона была знакома с концепцией романтических книг, в которых внешности героя уделялось много внимания и всегда оставалась к ним равнодушной, полагая, что ум и характер играют первостепенную роль.

Что ж, возможно теперь эта концепция была ей чуточку понятнее.

– Можно я возьму твое зелье без сновидений? – сдалась она, спросив в темноту. Из спальни донесся тяжелый вздох.

– Стоит на каминной полке. Рядом с зельями от Слизенорта.

Выпив половину флакона Гермиона, наконец-то, смогла уснуть.

Завтрак Гермиона проглотила быстро: без Рона, Гарри и Джинни было непривычно и как-то пусто. Но ей пришлось задержаться, долго намазывать тост джемом и есть его крошечными кусочками. Потому, что Драко был занят разговором с Пэм и даже не смотрел в сторону Гермионы. Это ужасно раздражало девушку: ей хотелось быстрее вернуться в апартаменты, а не смотреть, как Пэм постоянно наклоняется к Малфою. Каждый раз все ближе и ближе, словно у нее есть какое-то эксклюзивное право на личное пространство Драко Малфоя. Гермиона, как ни пыталась себя успокоить, нервничала перед визитом в Малфой-Мэнор, так что ее взвинченное состояние можно было объяснить. По крайней мере, это было логично.

Наконец Драко посмотрел на нее и Гермиона, едва заметно кивнув, поднялась и медленно вышла из Большого зала. Так же неспеша прошла по коридору, ответив на несколько приветствий и завернула за угол. Там она встала у окна, делая вид, что разглядывает внутренний двор и дождь, который как зарядил с рассвета, так и не заканчивался.

Спустя пару минут Драко прошел мимо нее в компании Блейза. Гермиона, чуть подождав, пошла следом, держась на расстоянии. Учеников в Хогвартсе на выходные осталось не так уж и много: разрешение на выходные покидать замок ради того, чтобы побыть с родными, обрадовало многих. Если бы не заклинание и связь с Драко, возможно, сегодня утром Гермиона бы выбрала ближайшее к дому ее родителей кафе или паб с каминной сетью и устроила бы им сюрприз. Провела бы с ними несколько часов, а потом вернулась бы через Нору в Хогсмит. Хотя, возможно, весь ее визит свелся бы к настороженным расспросам родителей о новостях волшебного мира. Драко впереди кивнул Блейзу, прощаясь. Забини свернул к подземельям, а Малфой и Гремиона все так же на расстоянии от него – к апартаментам. Конечно, можно было бы и не делать вид, что они с Драко порознь, просто случайно идут в одном направлении. Но Гермионе было легче думать, что их не будут постоянно видеть плечом к плечу рядом и гадать, неужели задание от Макгонагалл требует столько времени проводить вместе. Когда Гермиона зашла, Драко был уже в спальне. Услышав как открывается дверь, Малфой вышел из комнаты. На нем была черная рубашка, теплый жилет, брюки и мантия – Малфой полностью был готов к отбытию в Малфой-Мэнор.

– Тебе нужно переодеться? – спросил он.

– Не надо, я готова, – Гермиона подошла к своей сумке, стоявшей на полу у дивана, достала оттуда зеркальце и посмотрела на себя. Волосы собраны в тугой пучок, вроде, даже, и почти не выбиваются пряди. В ушах аккуратные маленькие серьги, подарок мамы и папы. Свитер с высоким горлом, чтобы защититься от ветра, теплые брюки из плотной шерсти, на ногах – ботинки на высокой подошве. Маггл как есть. Ни намека на ведьму.

Гермиона убрала зеркальце к гигиенической помаде и маленькому гребешку для волос, взяла со стула теплую мантию с капюшоном и накинула на себя. Взяв сумку, она кивнула Драко.

– Выходим по одному?

– Уволь меня, я не хочу снова красться по коридорам друг за другом, – поморщился Малфой. – Хогсмит не самое плохое место, где двое учеников могут трудиться над ненавистным исследованием, вместо того, чтобы ужинать дома с родными.

На улице пришлось накинуть капюшоны на головы, защищаясь от дождя и холодного ветра. Гермиона и Драко шли быстрым шагом, молча, каждый думая о своем.

– Привет, Гермиона, я думала ты с Роном, Гарри и Джинни будешь у его родных, – Триша, идущая навстречу вместе с парой однокурсников подняла руку и помахала Гермионе. Три любопытных взгляда тут же переместились на Драко.

– Хотела бы, но мы ничего не успеваем, – скорчила гримасу Гермиона и кивнула на сумку. – У нас нет никаких поблажек с уроками, а последние заметки по исследованию профессор… директор Макгонагалл не приняла. Сказала, что мы плохо работаем. Так что вот. Идем скрасить себе работу в выходной хотя бы сливочным пивом.

Драко угрюмо молчал, никак не поддерживая легенду Гермионы, что, впрочем, вряд ли кого-то из встреченной троицы удивило.

– Можно подумать, ваше исследование отправят в Министерство как минимум, – хихикнул смутно знакомый Гермионе розовощекий юноша. Кажется, он был на год младше и учился на факультете Пуффендуй. Драко неопределенно пожал плечами.

– Ладно, хорошего вам дня. Отдохните за меня, пожалуйста, – как можно грустнее сказала Гермиона.

– Не переигрывай. Все знают, что ты обожаешь сложные задания и возможность показать себя, – сказал Малфой, когда они отошли на значительное расстояние.

– И что, это значит, что я не могу хотеть просто отдохнуть и хорошо провести время? – с вызовом спросила Гермиона.

– Не можешь.

Гермиона хотела было возразить, но тут особенно сильный порыв ветра чуть не скинул с ее головы капюшон и она решила, что не настолько хочет глотать холодный воздух, продолжая очевидно бессмысленный спор. В «Трех метлах» было шумно, все столики были заняты, а если кто и обратил внимание на двух вошедших, тщательно натягивающих капюшоны на голову и склонивших лица так, чтобы было сложнее их разглядеть, так тут же потерял к ним интерес. Тем более, что туда-сюда летали подносы с заказами, за которыми разглядывать их было просто неудобно.

– В «Пятилистнике» такой же ажиотаж? – спросила Гермиона, подходя вместе с Драко к камину.

– Надеюсь. Отец недоволен, что я пользуюсь таким способом, чтобы попасть домой. Но какой уж есть, ради меня никто Хогвартс-экспресс вне расписания не пустит. Да и экипаж по воздуху, – хмыкнул Малфой, намекая на кареты Шармбатона. – Сначала пойду я. Минуты через три давай ты. Буду ждать тебя снаружи.

– Чтобы никто не рассматривал, кто прибыл с тобой, если тебя узнают? – догадалась Гермиона. Драко кивнул.

– Ага. Малфои слишком заметны в этих местах. Нет, если хочешь, можем прийти вместе. Отец и мать ничего тебе не сделают. А Макгонагалл… я думаю, она способна поставить мою семью на место, если они решат заявиться в Хогвартс. В конце концов, она не отвечает за действия призраков. А уж призракам на недовольство рода Малфоев и вовсе плевать.

– А ты? Ты выдержишь? Если начнут расспрашивать, как же мы теперь… проводим время и вот это вот все, – неловко сформулировала мысль Гермиона. Драко пожал плечами.

– Разве у меня будет выбор? В конце концов, телесные наказания в качестве отеческого наставления в семье Малфоев не применяют уже около пятидесяти лет, – то ли пошутил, то ли всерьез сказал он.

Гермиона раздумывала секунд пять. Потом представила змеиные, холодные глаза Люциуса, останавливающиеся на ней и вздрогнула.

– Нет уж. Давай по твоему плану.

– Я так и думал, – ничуть не удивился Малфой. И, кинув в камин горстку летучего пороха, четко произнес место назначения. Пока текли минуты ожидания, Гермиона делала вид, что разглядывает меню, взятое со стойки рядом с камином. Затем, отложив меню, она тоже достала летучий порох. Каминная сеть не была любимым способом передвижения Гермионы: к месту назначения она прибыла с легкой тошнотой и головокружением. Закинув в рот лакричный леденец, выуженный из сумки, Гермиона огляделась. Публика «Пятилистника» оказалась

менее многочисленной, чем в «Трех метлах», зато еще более равнодушной: в сторону девушки не повернулся никто. Мало ли, кто там шастает по каминной сети, еще отвлекаться из-за этого от жаркого и приятной беседы.

Отряхнув мантию и плотнее в нее завернувшись, Гермиона толкнула тяжелую деревянную дверь и вышла наружу, к неожиданно яркому солнцу. «Пятилистник» находился в самом начале (или конце, смотря откуда считать) узкой улочки, занятой домами из потемневшего кирпича. На ступенях почти каждого крыльца стояли горшки с цветами, вымощенная булыжником мостовая слегка сверкала на свету, а деревянные вывески на домах украшали рисунки: нитка и иголкой. Скрещенные волшебные палочки. Пинта пива. Книга, которая распахивала и закрывала страницы. Впереди расстилалось поле с уже отцветшим, но еще не осыпавшимся вереском. Фиолетовая рябь проходила от каждого дуновения ветра. Драко стоял у края поля, глядя вперед, на фиолетовые волны.

– Здесь удивительно уютно, – сказала Гермиона, подходя к нему. – Нам нужно пройти через поле?

Драко покачал головой.

– Нет, туда, – он показал вправо и Гермиона, повернувшись, увидела укатанную дорогу, забиравшую сильно вправо и как бы огибавшую деревню. Дорога вела через пустошь, на которой тоже попадались кустики вереска, высокие, покрытые мхом валуны и редкие деревья.

– До Малфой-Мэнора минут двадцать, неспешным шагом. Но если хочешь, я найму экипаж, – сказал Драко. Гермиона покачала головой.

– Не надо. Погода хорошая и я люблю гулять пешком.

Драко кивнул. Он тоже любил долгие прогулки, когда приезжал домой. Особенно в те времена, когда особняк стал местом сбора Пожирателей Смерти. К первому сбору он готовился со всей тщательностью. Приглаживал волосы, надел костюм, выбранный Нарциссой и представлял, как войдет месте с ней и Люциусом в зал, где все соберутся. Малфой-младший, удостоенный высокой чести.

С третьего собрания он мечтал сбежать.

Драко моргнул, прогоняя непрошенные воспоминания.

– Сора встретит нас недалеко от Малфой-Мэнора, – сказал он, когда они двинулись вперед по дороге. Гермиона сняла капюшон и развязала завязки мантии, греясь на солнце, и Драко последовал ее примеру. Его волосы золотились на ярком свету и Гермиона подумала, что если бы она дарила в подарок фигурку дракончика, у того была бы золотая чешуя. Малфой шел молча, периодически бросая взгляд на девушку. С пучком на голове, открыв длинную гибкую шею она казалась одновременно взрослее и нежнее. Гермиона что-то тихо напевала себе под нос, жмурилась на солнце, слегка улыбаясь и сложно было поверить, что она за секунду выхватила волшебную палочку там, в подземелье, готовясь к бою. Как вообще она выживала год в бегах? Человек, который прямо сейчас пытается согреть веснушки на носу, ловя солнечные лучи? Как она…

Драко, споткнувшись, остановился.

– Ты чего? – спросила Гермиона. Малфой повернул к ней потемневшие глаза.

– Я только сейчас... Беллатриса пытала тебя в моем доме. И мы идем туда, – чуть хрипло сказал он. – Гермиона, я забыл. Я правда так хотел забыть все, что повидали стены Малфой-Мэнора.

На лицо Гермионы набежала тень.

– Я предпочитаю не думать об этом, – ровно сказала она. – В конце концов твоя комната не при чем. Я там не была и не думаю, что я в ней испугаюсь. Надеюсь, экскурсия в подвал во время обеда не предусмотрена?

– Мама велела закрыть подвал навсегда, – сквозь зубы втянул воздух Драко. – Мерлин, Гермиона. А если у тебя случится паническая атака? А если ты захочешь убежать?!

– А я-то думала, ты беспокоишься за меня, а не за себя, – сверкнула глазами Гермиона. Ее радость от солнечного дня быстро испарялась, уступая место вернувшейся липкой тревоге. – Не случится и не захочу.

Драко сжал кулаки. Скулы на его лице заострились.

– Я и беспокоюсь за тебя, – процедил он. Драко провел многие ночи без сна, размышляя о том, что видели стены его родного дома. Теперь к этому прибавилось и непонятное ему самому нежелание, чтобы Гермиона это вспомнила. И чтобы кто-то стал этому свидетелем. Гермиона вскинула подбородок и расправила плечи.

– Я адекватный, самостоятельный человек, который прекрасно умеет оценивать риски. Если я сказала, что помогу тебе с этим идиотским обедом, значит, я понимала, на что шла!

– Мерлин, да ты с Поттером всегда были просто воплощением гриффиндорского упрямства! – скривил рот Драко. – Если ты решила доказать себе что-то, ты пойдешь, наплевав на всё!

Как же он был близок к правде. Может, Гермиона и признала бы это, если бы Малфой не упомянул Гарри. Трогать Гарри и Рона нельзя было никому, никогда и ни в каких обстоятельствах. Не после всего, что они вместе пережили. Гермиона вплотную приблизилась к Драко. Ноздри ее раздувались от гнева.

– Не. Смей. Говорить. О Гарри. Он был готов умереть ради нас всех! Он спас нас всех!

Дыхание Гермионы пахло карамелькой, а розовые губы были совсем близко. И Драко разозлился еще больше: на себя, за то, что обращает внимание на такие мелочи.

– Да? А, может, нас всех спасла моя мать? – голос его упал до гневного шепота. – Если бы она не соврала Темному Лорду, он был убил Гарри по-настоящему. Ты хоть понимаешь, что если бы Волан-де-Морт понял, что мама лжет, ее ждали бы страшнейшие пытки?

– Она сделала это не для Гарри. Она сделала это для тебя, – Гермиона завороженно смотрела в расширившиеся зрачки Драко, которые, казалось были готовы заполнить собой всю радужку. Ее слова были несправедливы и она понимала это, но не могла удержаться от того, чтобы не уступить Малфою. Может, он был прав и Нарцисса сыграла не меньшую роль? Если бы она не соврала. Если бы проверить дыхание Гарри отправили кого-то другого? Надо было бы сказать Драко, что Нарцисса действительно поступила смело. Но Гермиона просто не могла.

– Да какая разница? – Драко сделал шаг назад, разрывая их близкий контакт. – Какая разница, Грейнджер? Ты знаешь, о чем спрашивали на закрытом заседании суда, где были только мы? До того, как заслушать свидетелей? Что мы делали во время боя. А знаешь, что мы делали, Грейнджер?

– Ждали исхода, полагаю, – обидно усмехнулась Гермиона. Губы Драко сжались в узкую линию.

– Моя мать убила Клариссу Пимвей. В детстве я сидел у нее на коленках, когда она бывала в гостях. Выбор был между Клариссой и той девчонкой, какой там курс, хорошо, если четвертый? Оборона Хогвартса. Моя мать выбрала жизнь девчонки. Я получил заклинанием от Стеммиджа – не думаю, что ты долго продержалась бы против него, Грейнджер. Я даже сумел отразить это заклинание, а потом отец поставил над нами защитный щит и мы все держали его. Знаешь, почему? Потому, что Люциус Малфой один из лучших Пожирателей Смерти, и он с семьей предал Темного Лорда. Думаешь, этого никто не заметил и никто не захотел наказать нас?! Но всем плевать.

Драко замолчал, не сводя с Гермионы взгляда.

– Никто не заставлял твоего отца и мать выбирать сторону Волан-де-Морта, Драко, – сказала Гермиона. – То, что вам пришлось защищать свою жизнь – следствие их выбора. Тебе, в сущности, повезло, что ты не успел запятнать свои руки кровью. Но хорошо. Я благодарна Нарциссе за спасенную жизнь.

– Мне не нужна твоя благодарность. Возвращайся в Хогвартс, Грейнджер. Мне не нужна твоя помощь, потерплю как-нибудь, – Драко отвернулся и пошел вперед.

Если так подумать, в один миг встать против того, что долгое время было твоими идеалами, пусть даже не потому, что ужаснулся, а потому что выбрал семью – требует достаточной храбрости. А Драко и вовсе выбрал сторону Хогвартса, тогда, встав рядом с ней. Не убежал к матери с отцом, не скрылся. Еще не зная, что Гарри жив.

У Гермионы не было сил сейчас снова думать над этим.

– Ну а я точно не собираюсь снова переживать все эмоции, которые вызывает сейчас наша… разлука, – догнала Гермиона Драко. Тот, пережив всплеск гнева, выглядел опустошенным, но спорить с Гермионой или как-то вообще отвечать ей не стал. Просто шел чуть впереди, с такой прямой спиной, словно ссутулься он хоть чуть и это будет проявлением слабости. Ограда особняка Малфоев и сам впечатляющий, мрачноватый дом уже показались впереди, когда Малфой остановился.

– Сора, я жду тебя, – сказал он. И спустя несколько секунд с легким хлопком перед Драко появилась домовой эльф. На ней была надета наволочка с цветочным рисунком, в которой были проделаны отверстия для рук. К себе Сора прижимала какой-то сверток.

– Хозяин Малфой. Сора не посмела взять вещи хозяйки Нарциссы из шкафа. Сора взяла старые вещи, которые в коробках, в комнате для хранения. Старые вещи хозяйки, – Сора неодобрительно зыркнула на Гермиону.

– Давай сюда, – протянул руку Драко. И. развернув сверток, расправил длинное темно-лиловое летнее платье свободного кроя и украшенную темными камнями мантию с глубоким капюшоном.

– Я возьму только мантию, – сказала Гермиона твердо. Пока она была в Хогвартсе мысль о том, что ей нужно будет на всякий случай скрыть магловскую одежду казалась простой и логичной. Сейчас же, стоя рядом с Малфой-Мэнором она поняла, что если наденет платье Нарциссы Малфой даже поверх свитера и брюк, то ее просто стошнит. Драко спорить не стал, молча протянув ей мантию. Она оказалась велика Гермионе, но зато, если натянуть капюшон глубже и плотнее запахнуть края мантии, придерживая рукой, было невозможно ни разглядеть очертания лица, ни одежду под мантией.

– Я пройду первым. Сора отведет тебя в особняк через боковой вход, – Драко, наконец, взглянул на Гермиону и в его глазах она увидела усталость и какое-то смирение.

– Сора, Гермиона Грейнджер моя… почетная гостья. Она должна быть в безопасности и принята соответствующе. Но если кто-то узнает о том, что она здесь, расстроюсь и я, и родители.

– Все будет исполнено, хозяин Малфой, – почтительно склонилась домовой эльф, забирая у него мантию Гермионы и ненужное платье. Подождав, пока Драко пройдет сквозь ворота и скроется из вида, Сора через некоторое время позвала Гермиону.

– Хозяин в доме. Старший хозяин Малфой и хозяйка Нарцисса уже встретили его.

Они осторожно прошли сквозь ворота, и почти сразу повернули налево, идя вдоль ограды. От особняка их частично закрывали высокие, аккуратно подстриженные ряды кустов. Белая галька и песок похрустывали под ногами, вокруг разливался нежный аромат цветов. Даже здесь, в отдаленном закоулке, были разбиты аккуратные клумбы. Видимо, смена сезонов не действовала на Малфой-Мэнор: нарциссы, гиацинты, розы, спирея, лилейник и множество других цветов чередовали друг друга. Это было прекрасное место, и, находись оно где угодно, Гермиона несомненное бы очаровалась. Но перед глазами упорно всплывали подвал и умирающий Добби. Картинки, которые Гермиона, как ей казалось, прочно заперла в дальнем уголке памяти.

– В Малфой-Мэноре всегда цветут цветы? – спросила она, стараясь отвлечься. Сора покачала головой.

– Только до поздней осени. Когда приходит зима, хозяйка Нарцисса убирает магию. Хозяйка говорит, что цветам тоже надо отдыхать.

Они, никем не замеченные, дошли до неприметной двери, наполовину спрятанной под разросшейся лозой винограда. Видимо, это был вход для прислуги: с улицы они попали сразу на большую, светлую кухню, где суетились домовые эльфы. Гермиона замедлила шаг и огляделась, разглядывая чисто выскобленные деревянные столы, несколько плит, буфеты с посудой, длинные ряды кухонной утвари и еще множество мелочей. Парочка домовых эльфов отвлеклась от своих дел, разглядывая Сору и незнакомую им даму, почему-то оказавшуюся на кухне. Но Сора так грозно на них посмотрела, что они тут же опустили головы. Из кухни они попали сразу на лестницу, а, поднявшись по ней – в широкий коридор, на стенах которого горели прохладным светом светильники. Тени терялись где-то под высоким потолком, а напольные вазы с цветами, расставленные то тут, то там, как подозревала Гермиона, стоили больше, чем дом ее родителей. Сора шла на пару шагов впереди, чутко прислушиваясь. Гермиона сталась смотреть четко в ее спину и не разрешала себе сравнивать Малфой-Мэнор сейчас и Малфой-Мэнор из своих воспоминаний. Они быстро пересекли холл, чьи высокие окна были украшены витражами, и снова поднялись по лестнице в еще один коридор. Портреты, висевшие на стенах, провожали девушку подозрительными взглядами. Молчаливая роскошь, древность, богатство. И одиночество. Гермиона легко могла представить, как маленький Драко ходит по этим коридорам и комнатам: единственный наследник рода Малфоев. И пока она, как и десятки впервые попавших в Хогвартс учеников разевали рты от восторга и удивления, он мог сравнивать. Хогвартс наверняка победил – вряд ли в особняке было столько секретов, как в замке. Но теперь Гермиона чуточку лучше понимала Драко и то, как он воспринимал окружающий его мир.

По крайней мере раньше.

Сора толкнула третью слева дверь и, отступив, слегка поклонилась Гермионе.

– Комната хозяина Малфоя-младшего. Сора может принести еду и напитки.

– Спасибо Сора, все в порядке. Я пока что ничего не хочу, – Гермиона зашла внутрь. Сора, кажется, не очень понявшая, за что ее благодарили, снова поклонилась.

– Сора нужна хозяйке. Гермиона Грейнджер может звать Сора. Сора придет, если Сора не с хозяином или хозяйкой.

С легким хлопком домашний эльф исчезла, а Гермиона, плотно прикрыв дверь в комнату, огляделась. Спальня Драко была большой и, конечно же, со вкусом обставленной. Широкая кровать под зеленым – ну конечно же – балдахином была заправлена темно-зеленым покрывалом. На деревянных стенах – зеленые же гобелены с вышитыми на них средневековыми сценками из жизни волшебников. И драконов, разумеется. Зато мягкий ковер под ногами был кремовый, а камин, в котором уже горел огонь – из белого мрамора с золотыми прожилками. У одной стены стоял высокий и широкий шкаф для одежды, у другой – четыре книжных стеллажа. Стол со столешницей из толстого массива дерева, удобное кресло на изогнутых львиных ножках. Окно, на котором висели собранные складками кремовые же портьеры выходило в сад. Гермиона решила, на всякий случай, не подходить близко. В стене справа, рядом со стеллажами, была еще одна дверь. Толкнув ее, Гермиона оказалась в большой туалетной комнате и даже не удивилась, увидев там ванную на драконьих лапах.

– И как Драко после этого всего выжил в общей спальне для мальчиков, – хмыкнула девушка. В целом, спальня выглядела так, как выглядит комната, хозяин которой давно тут не появляется, но которого все-таки ждут, поддерживая порядок. Чисто и пусто. Если не считать деталей. Гермиона медленно обошла спальню. Вот коллекция фигурок драконов, стоящая на подоконнике. Выставлены в ряд: Драко такой педант или домовые эльфы постарались во время уборки? Вот среди множества старинных фолиантов и энциклопедий – Гермиона не сдержала завистливый и одновременно восторженный вздох – втиснуты книги о приключениях волшеб-

ников, справочники по ботанике и волшебным существам. На столе – толстая тетрадь. Разумеется, Гермиона не посмела открыть ее, но прочла выведенные на обложке буквы: «все о холодном оружии с древних времен». Почерк был не очень ровный, еще детский. Интересно, это было хобби Драко? Почему он до сих пор хранит эту тетрадку? Удивительно, но комната Драко не беспокоила, а успокаивала Гермиону. Неожиданное открытие, но приятное. Девушка продолжила изучать обстановку. В углу между стеллажами и столом притаилась резная этажерка с тремя полками. На верхней стоял глобус. Гермиона ткнула пальцем наугад в точку на карте Европы и карта вдруг сменилась картой страны, куда попал палец: Италия.

А на двух нижних полках стояли маленькие флорариумы, за которыми тоже явно ухаживали, и несколько стеклянных шаров с цветами. Девушка моргнула. Вот этого она точно не ожидала увидеть в комнате Драко Малфоя. Между шарами и флорариумами стояло с десяток стеклянных бутылочек с кораблями внутри. Гермиона видела такие наборы, волшебники переняли их из маггловского мира, добавив такие детали, как раздувающиеся паруса, команду, которая сновала по кораблю, облака и море. В некоторых бутылках иногда заключали целый шторм. Все корабли Малфоя плыли по спокойному морю, в котором ветер надувал паруса. И Гермиона точно знала, что каждый такой кораблик собирается вручную, без магии, деталь к детали. Обдумать эту новую, весьма неожиданную информацию о Драко девушка не успела: в комнате снова появилась Сора. Домовой эльф выглядела встревоженной.

– Хозяйка идет сюда вместе с младшим хозяином Малфоем. Гермионе Грейнджер надо прятаться.

Гермиона подбежала, было, к шкафу, но Сора замотала головой.

– Хозяйка хочет, чтобы хозяин переоделся к обеду. Она откроет шкаф и заметит.

Гермиона быстро обдумывала варианты. Подойдя к кровати она подняла покрывало и довольно выдохнула: кровать стояла на высоких ножках и девушка могла с трудом, но залезть под нее. Гермиона быстро заползла под кровать, с радостью заметив, что там трудами домовых эльфов было чисто, а Сора быстро опустила и разгладила покрывало. Метнувшись к шкафу, домовой эльф распахнула дверцы и почти сразу же открылась дверь комнаты.

– Сора достанет, что скажет хозяйка, – пискнула эльф услужливо. Из-за опущенного покрывала Гермиона ничего не видела, ковер приглушал шаги, но она почему-то живо представила, как Драко ощупывает комнату взглядом, ища, где могла спрятаться Гермиона.

– Мама, я не понимаю, зачем мне наряжаться в костюм, – громко сказал Драко. Послышался шорох ткани.

– Затем, что это не простой обед в кругу семьи, дорогой, – голос Нарциссы был ласков и спокоен. – Есть правила и традиции, и как бы не изменился мир вокруг, должно оставаться что-то, что не меняется. Пусть это даже мелочи… Вот этот костюм должен подойти идеально.

– Все уже собрались? – сменил тему Драко, видимо, решив не спорить.

– Ждем только Гринграссов, они обычно прибывают минута в минуту к назначенному времени. И да, Драко… я бы попросила тебя уделить больше внимания Астории, – тон Нарциссы мало походил на просьбу, скорее на напоминание.

– Мы иногда видимся в Хогвартсе, – бесстрастно ответил Малфой.

– Я знаю, дорогой. У Гринграссов хорошая родословная и Астория – умная, прекрасно воспитанная девушка. Насколько знаю – неплохая волшебница. Было бы неплохо лучше узнать ее… на будущее.

У Гермионы перехватило дыхание. Нет, какое ей, конечно, дело до того, кого там сватают Малфою, но все равно услышанное неприятно отозвалось в ней. Драко молчал.

– Жду тебя на обеде. Может, ты хочешь все же остаться на ночь? – вот теперь в голосе Нарциссы появились просящие нотки. – Хоть Люциус и не одобряет твой способ перемещения домой через каминную сеть, но ты мог бы быстро вернуться в замок в понедельник.

– Не в этот раз, мам. Прости. У меня правда не получится, – голос Драко потеплел. – Я обещаю придумать что-нибудь… сейчас профессор, в смысле, директор Макгонагалл задала большое эссе. Я бы хотел доделать его как можно быстрее.

– Что ж, значит, придется отдать тебе мой подарок сейчас, если вечером мне придется задержаться с гостями, – Нарцисса быстро произнесла заклинание. По комнате разнесся сладкий аромат яблочной выпечки.

– Твой пирог, – с какой-то совсем детской радостью сказал Драко. – Спасибо, мама. То, что нужно для того, чтобы совсем не заскучать за эссе.

– Я рада, мой мальчик. Буду ждать тебя в нашем обеденном зале. Сора, ты идешь со мной, мне нужно уточнить кое-что по очередности подачи блюд, – тихо прошуршала ткань платья, дверь открылась и закрылась.

Гермиона подождала немного и рискнула осторожно приподнять край покрывала и высунуть голову. Как раз чтобы увидеть, что Драко закончил расстегивать рубашку. Жилет был повешен на спинку стула, на столе стоял пирог на большом белом блюде, а перед Малфоем висел темный костюм с белой рубашкой.

– Мой второй вариант был, что ты в ванной, – сказал Драко, снимая рубашку. Гермиона отвела взгляд, успев заметить шрам, навечно оставшийся на руке Драко вместо метки.

Звякнула пряжка ремня. У Гермионы возникло идиотское, иррациональное желание снова посмотреть на Драко. Не разрешая себе этого делать, она вылезла из-под кровати, отвернув голову, отряхнулась и пригладила волосы.

– Нарцисса могла войти и туда. Извини, я не хотела специально вынюхивать. Заметила у тебя шары с цветами и кораблики. Очень… неожиданно.

Малфой молча шуршал одеждой. Снова звякнула пряжка ремня.

– Шары – мамино хобби. Она настояла, чтобы я тоже им занялся. Очень… полезно, чтобы восстановить моторику, – ответил он, наконец.

– Восстановить? – непонимающе переспросила Гермиона. Раздался смешок.

– Круциатус, растянутый по времени, может вызывать некоторые проблемы. Грейнджер, тебе ли не помнить эту боль, – Драко резко сменил тон на серьезный.

Гермиона повернулась в его сторону. Малфой уже застегивал манжеты на рукавах, спокойный и невозмутимый, разве что немного бледнее обычного. Девушка сделала пару шагов ближе.

– Тебя… пытали?

Драко вскинул на нее удивленный взгляд.

– Мерлин, Гермиона. Разумеется меня тоже пытали. Вся затея Волан-де-Морта с… убийством Дамблдора была придумана в наказание отцу. Темный Лорд не любил ошибаться. Никогда. Мой отец был одним из самых верных его сторонников. А потом несколько раз ошибся. А ошибки значат, что Волан-де-Морт сам ошибся в том, кому доверить поручение. Он нашел способ стимулировать отца, чтобы тот служил… еще вернее, – Драко взял висевший в воздухе пиджак и надел. Пиджак сел идеально.

– Если бы я все сделал как задумано, Темный Лорд получил бы еще одного Малфоя, которого можно вырастить как перспективного и исполнительного слугу. А если бы Дамблдор меня убил – так и плевать. А круциатусы были напоминанием моему отцу, что он может потерять, если не будет эффективен.

– Дамблдор никогда бы не тронул тебя! – запальчиво возразила Гермиона. Драко пригладил волосы. Невозмутимый. Спокойный. Отстраненный.

– Ну, Волан-де-Морт этого не знал. Я видел его пять раз. Три раза он меня пытал. На глазах у всех. Последний раз он… увлекся. Снейп остановил его. Сказал, что если меня покалечить сильнее, я не исполню поручение. Я не мог вернуться в школу после каникул с трясущимися руками. Так что мы с матерью делали шары.

Гермиона поняла, что у нее самой дрожат пальцы.

– А… кораблики?

Драко кинул взгляд в сторону этажерки.

– А кораблики я просто люблю. Заполняют время, – с этими словами Драко вышел, оставив Гермиону в полном смятении. Как он мог так спокойно рассказывать про пытки и прочее? Хотя… Гермиона со вздохом села на кровать. Разве она сама не рассказывала таким же отстраненным тоном в суде о том, как Белатрисса пытала ее? Разве не пересказывала это все в Норе, когда вся семья сидела, погрузившись в воспоминания о пережитом, делясь тем, через что каждый из них прошел, просто потому, что надо было проговорить это и отпустить. Точнее, задвинуть в дальний угол сознания, потому что Гермиона была уверена, что отпустить никто из них не сможет. Никогда.

Девушка перевела взгляд на пирог.

Она не могла представить себе, что эта холодная женщина своими руками пекла его для Драко. И все же, это было так. И в то же время, пока там, снаружи, еще шли разбирательства, споры и суды, пока раны были свежи, здесь, в особняке, чистокровные волшебники как ни в чем ни бывало собирались на обед, храня свои маленькие, но такие важные для них традиции. Словно ничего не изменилось.

Гермионе страшно было об этом думать.

Глава 9

Люциуса Малфоя Драко увидел, едва спустился по лестнице к обеденному залу.

– Драко, сын, – Люциус позволил себе приобнять Малфоя. Цепкие пальцы приподняли Драко за подбородок.

– Ты выглядишь уставшим. Ты хорошо спишь?

– Здравствуй, отец. Я стараюсь спать достаточно, – кивнул Драко. – Вчера засиделся над эссе.

– Что за эссе? – Люциус отпустил подбородок сына и оперся обеими руками на трость с массивным кристаллом вместо набалдашника.

Драко лихорадочно соображал, что соврать. Раз до отца не дошли слухи о якобы заданном им с Гермионой исследовании, то не стоило об этом и говорить.

– На свободную тему. Я пишу «об известных магах прошлого», – выбрал он тему, которая, казалось, могла отца удовлетворить. Ведь среди выдающихся магов было много чистокровных волшебников. Так и вышло: губы Люциуса тронула легкая довольная улыбка.

– Надеюсь, ты не забыл упомянуть об открытии принципов экономии движений палочкой Клауса Фингервильда? И о том, что это твой предок, Этьен Малфой в свое время помог Клаусу продвинуть эти исследования?

– Конечно не забыл, я уделил этому много внимания, – серьезно кивнул Малфой, первый раз слышавший об этом принципе и о Клаусе.

– Прекрасно! – Люциус хлопнул сына по спине. – Август Фингервильд с сыном Родериком сегодня пришли на обед. Думаю, им будет приятно послушать, что именно ты написал в эссе. Возможно, Август сможет даже рассказать какие-то полезные детали.

Драко на мгновение прикрыл глаза, пытаясь справится с нахлынувшей паникой. Отец счел, что Драко удачно сможет проявить себя, польстив одному из старинных родов вниманием. Как отец говорил? Все прочные связи начинались когда-то с лести, подкупа, шантажа или клятвы. И сейчас ему придется каким-то образом придумать, почему он не может польстить Фингервильду рассказом о деталях своего эссе.

И разочаровать отца.

Из зала вышла Нарцисса в сопровождении Соры.

– Прекрасно, Драко, ты спустился. Все уже собрались, ждут только вас, – с улыбкой сказала она. Люциус подал ей руку.

– Нарцисса, ты знала, что Драко пишет эссе про известных магов прошлого? Разумеется, он упомянул и Клауса Фингервильда. Я решил, что будет… полезно, если Драко расскажет об этом на обеде.

– Прекрасная идея, – Нарцисса легонько коснулась плеча мужа. – Но давай после второй перемены блюд?

– Конечно, дорогая, – Люциус повел жену в зал, Драко, идя следом, кинул взгляд на Сору.

– Хозяин? – поклонилась та.

« Гер-ми-о-на», – одними губами произнес Драко. Затем кивнул в сторону отца, ткнул пальцем в себя и изобразил, будто хватает себя рукой за горло. Сора снова поклонилась и исчезла.

Гермиона держала в руках великолепный справочник по ботанике, изданный более четырех веков назад и, прикрыв глаза, нюхала страницы. Старые книги пахли совсем иначе, чем новые. Они и ощущались иначе: стоило представить, свидетелями какой смены эпох эти книги могли быть, как у Гермионы по спине начинали бежать мурашки. Девушка бережно погладила корешок книги и прижала ее к груди. На книжных стеллажах Малфоя были настоящие раритеты и сокровища. Гермиона и представить не могла, что кто-то может держать такие книги

в спальне. Не в библиотеке, не под стеклом, а просто на полке. Рядом с «Приключениями странствующего мага». С легким хлопком в комнате появилась Сора. Домашний эльф казалась взволнованной.

– У хозяина младшего Малфоя проблемы. Он сказал Соре прийти к Гермионе Грейнджер.

У Гермионы сердце ушло в пятки.

– Какие проблемы?

– Сора не знает, – уши домового эльфа задрожали. – Сора была с хозяйкой. Сора слышала, как хозяин старший Малфой говорил, что хозяин Драко Малфой пишет эссе и должен рассказать его за обедом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.